
ПИОНЕР
№ 19
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ДЕТСКИЙ
ЖУРНАЛ
1926.

В. Кардашев

Как ремонтировать клубную комнату

Вы знаете, что клубная комната должна быть теплая, светлая, обставленная так, чтобы в ней было приятно заниматься. Немного клубных комнат удовлетворяют этим требованиям. Однако, нетрудно любую комнату, предоставленную под клуб, превратить собственными силами в такой вид, что она станет любимой комнатой для ребят.

Прежде всего комнату нужно вычистить. Промыть оконные стекла, рамы и двери. На зиму утеплить: окна замазать, засыпав промежутки между рамами опилками. Двери, если они пропускают звук и нарушается тем необходимая тишина, сделать звуконепроницаемыми. Этого легко достигнуть, зашив излишние двери фанерой и засыпав промежуток опилками. Входную дверь можно сделать также звуконепроницаемой, набив на каждую половинку дюймовые планки на ребро так, чтобы образовалась рамка, на нее набить фанеру, а промежуток засыпать опилками. Если дверь ведет в холодное помещение, то снаружи ее обивают войлоком, поверх войлока—упаковочным полотном (равендуком), который затем можно покрасить, по клеевому грунту, масляной краской. Клеевой грунт состоит из жидкого раствора малярного клея с очень небольшой прибавкой мыла и какой-нибудь землистой краски, например, охры и мела. Густота грунта—густота сливок. К полу, со стороны комнаты, прибивают высокий порог из планки сечением в 4,5×9,0 см.

Проверьте также, прочно ли сидят стекла в рамах. Это вы узнаете, слегка постукивая по стеклу концом среднего пальца. Если стекло дребезжит, значит, оно сидит неплотно, и зимой ветер будет проникать в комнату в щели между стеклом и рамой.

В этом случае старую замазку надо отковырять, все расчищенные места смазать, при помощи небольшой кисти, олифой (чтобы лучше пристала замазка), дать олифе высохнуть и обмазать новой оконной замазкой снаружи и изнутри.

Оконная замазка делается из олифы и мела. На 8 частей мела берут 2,2 части олифы. В кучке мела, насыпанной на листе железа, делают углубление. В углубление льют олифу и смешивают кругообразными движениями щепки олифу с мелом, а затем выкатывают рукой, как тесто.

Если на дверях, подоконниках и рамах покраска сошла, нужно ее также восстановить. Туповатой стамеской расчистите все надлежащие покраске места, проолифьте и замажьте шпаклевкой при помощи шпателей (широкая деревянная лопаточка). Когда высохнет, возьмите в левую руку мокрую тряпку, а в правую—кусок пемзы и трите пемзой всюду, а особенно, где шпаклевка возвышается, смачивая водой, выжимаемой левой рукой из тряпки. Когда все гладко, начисто обтирают тряпкой и красят первый раз аккуратно, не пачкая стекол, и удаляя излишки краски и затеки флейцом. Ручником работают плотно, размазывая краску самым тонким, но кроющим слоем, а флейцом работают легко, касаясь покрашенной поверхности только концами волоса.

Для покраски покупную тертую масляную краску разводят олифой до нужной густоты, которая зависит от кроющей силы краски.

Шпаклевку делают так: 20 ч. клея разводят в 100 ч. горячей воды, кладут туда 1.600 ч. мела, 40 ч. краски (того цвета, какова покраска) и 40 ч. олифы.

Затем вы удаляете из стен все гвозди и расчищаете железной лопаточкой все щели, соскребете непрочно сидящую побелку как на стенах комнаты, так и на потолке.

Если комната не очень грязна, можно приступить к размывке потолка и стен; если же очень запущена, то старую побелку необходимо снять и потолок и стены перетереть. Это уже очень большая работа, но все же исполнимая. Размывка ведется так: берут воду в ведро и, обильно смочив при помощи малярной кисти такой участок, например, стены, сколько покрывается одним размахом кисти, не сходя с места, хорошо стирают старую побелку с ее поверхности. Штрихи кистью кладут вкось, под углом к отвесной линии.

Малярная кисть для побелки сделана из длинной щетины и бывает или на длинной палке или ручная, штукатурная. Ввиду возможности употреблять ручную и для штукатурки, и для перетирки стен и потолков, вы покупайте только ручную.

На длинную палку такую ручную кисть привязывают так: из хорошей веревочки (шпагата) делают кольцо в 4—5 оборотов размером несколько просторней приложенных одна к другой ручки кисти и палки вместе; кисть пропускают концом через кольцо (рис. 4), поворачивают и привязывают конец ручки веревочкой. Преимущество укрепления кисти под углом к палке особенно ясно обнаруживается при побелке потолка: побелка не льется на маляра и кисть равномерней отдает побелку.

Для перетирки вы должны иметь кисть (можно мочальную), скребок и терочку.

Скребок делают из прямоугольного куска кровельного железа, размером 12×20 см., два нижних угла которого завернуты и неплотно прибиты, вставленного в распил палки длиной в 100 см. и укрепленного двумя гвоздями (рис. 5).

Терочка представляет кусок дюймовой доски, размером 12×22 см., к которому гвоздями прибита деревянная ручка из той же дюймовой доски.

Стену (или потолок) смачивают по частям водой и скребком снимают набел. Когда весь набел снят, снова смачивают стену, брызгая на нее при помощи кисти водой, и кругообразными движениями терочки растирают неровности. Если стены были сильно проклеены, следует на терочку посыпать мелкий песок. Щели и отверстия замазывают мелом, замешанным на клеевом растворе, состав которого дан ниже. Для заделки глубоких и больших повреждений нужно брать смесь речного песка, гашеной извести и алебастра. Первые две составные части замешивают в достаточном количестве в неглубоком ящике с водой до густоты сметаны, а алебастр прибавляют при самой работе и только в таком количестве, сколько необходимо положить на место.

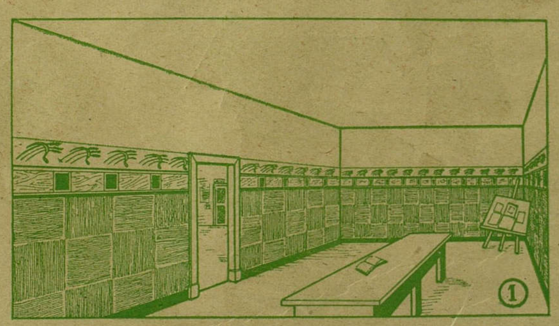
На одну часть извести берут по об'ему от 2 до 3 частей песка, больше или меньше, смотря по качеству извести. Состав имеет достаточную густоту, если проба сползает медленно с лопаточки, не пачкая ее, а, падая на пол, разбивается на крупные части.

Для починки стен алебастра берут меньше, для карнизов и украшений—больше. Количество примешиваемого алебастра определяют пробой в зависимости от его качества. Мел, алебастр и известь покупают на складе строительных материалов. Если гашеной извести купить негде, известь гасят, кладя ее в ведро и заливая водой так, чтобы вода ее покрыла, и употребляют в дело, когда она остынет.

Щели и выбоины смачивают при помощи кисти водой, затем набрасывают тонкий слой штукатурки; когда первый слой окрепнет, набрасывают второй, наконец, выравнивают и затирают терочкой.

После этого вы должны загрунтовать, подготовить к побелке или покраске потолок и стены комнаты. Грунтовку накладывают косыми штрихами в другую сторону от оставшихся от размывки.

(*Окончание на 3-й полосе обложки*)

СОДЕРЖАНИЕ:

Главлит № 71077. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово», Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 18.000

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

На 12 м.	. . . 3 р. — к.	
„ 6 „	. . . 1 „ 60 „	
„ 3 „	. . . „ 85 „	
„ 1 „	. . . „ 30 „	

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ

Москва, Новая площадь, 6/8, Издательство „Молодая Гвардия"

№ 19 СЕНТЯБРЬ 1926 г.

СЛУШАЙ, ПИОНЕР!

БОЛЬШЕ УБЕЖДЕННОСТИ

(Из речи т. Крупской на пленуме Ц. Б. Ю. П.)

Когда разговариваешь с пионерами, то бросается в глаза такая вещь: они, может быть, политически подкованы в том смысле, что они очень много знают из того, что пишется в газетах, но бросается в глаза отсутствие внутренней убежденности. Ребята, конечно, горячо повторяют, что они прочитали и услыхали от вожатого, но чего-то нехватает.

И вот, если вдуматься в это явление, чего нехватает и что надо ребятам и что дает закваску всей работе, мне кажется, что это—**убежденность**. В применении к ребятам это слово может показаться, может быть, слишком большим и громким. И, однако, именно об убежденности надо говорить. Когда просмотришь жизнь старых революционеров, как они росли и складывались, то видишь, что на революционный путь их обычно толкало какое-нибудь сильное переживание, испытанное в детстве, заставившее по-новому посмотреть на жизнь. Приведу пример: Владимиру Ильичу в детстве приходилось постоянно наблюдать, как обыватели с презрением всегда говорили об евреях, татарах и т. д. И вот, на Владимира Ильича, когда он был ребенком, это произвело чрезвычайно сильное впечатление. Он потом мне рассказывал: „Постоянно, бывало, слышишь, если об еврее говорят, непременно скажут—„жид", если о татарине, то непременно скажут—„князь".

Это презрительное отношение к людям другой национальности, над которыми постоянно смеялись, которым давали оскорбительные названя, заставило Владимира Ильича с детских лет задуматься над национальным вопросом. Если просмотреть сочинения Владимира Ильича, его речи и статьи, то вы увидите, какое большое место занимал во всем этом национальный вопрос, как он горячо к нему относился. И вот эта горячность сложилась в результате детских впечатлений; убеждение сложилось под влиянием детских переживаний.

Если мы познакомимся с жизнью других революционных деятелей, то увидим, как возмущение каким-нибудь фактом угнетения, каким-нибудь безобразием, свидетелем которого приходилось быть в детстве, воспитывало ненависть к старым порядкам на всю жизнь, желание бороться с ними.

Мне кажется, что мы слишком мало внимания обращаем на то, чтобы в наших пионерах воспитывать это возмущение всякой несправедливостью, всяким угнетением, всяким безобразием, которых еще достаточно в окружающей нас жизни.

У нас пионерчик все расскажет по пунктам: в котором году Маркс родился и пр., а часто пройдет и не заметит происходящего рядом безобразия, не заметит, как в семье девочку не пускают в школу или перегружают домашней работой сверх меры, не заметит, например, безобразного отношения к евреям. Надо сказать прямо—у нас и сейчас процветает еще антисемитизм. А возмущаются ли этим пионеры как должны возмущаться? «Интернационал» поют, а не умеют связать то, что видят кругом, с тем, что читают в книжках. А в этом вся суть. И на это надо обращать особое внимание.

Если мы не раскроем пионеру глаза на окружающее, не зажжем в нем желания с окружающими темными сторонами жизни покончить, мы не воспитаем из пионера борца за лучшее будущее.

С. Григорьев

Рис. худ. Горшмана

БЕРКО КАНТОНИСТ

(ПОВЕСТЬ)

1. НОВЫЙ КНУТ БАЛАГУЛЫ

При Павле I и при сыне его Александре Павловиче евреи несли денежную воинскую повинность, вернее, откупались от воинской повинности: за каждого рекрута в царскую армию, который приходился на долю евреев по разверстке, еврейские общества платили установленную законом сумму—от 360 до 500 рублей, наравне с русскими купцами, освобожденными от воинской повинности «в натуре».

Воцарение Николая Павловича, после неудачного восстания декабристов 14 декабря 1825 года, принесло евреям коренную перемену в отбывании воинской повинности:

Уставом возраст рекрутов из евреев был определен от 12 до 25 лет. Николаевский двадцатипятилетний срок действительной военной службы начинался для евреев-солдат не с 12, а с 18 лет. Нельзя не отметить, что это печальное преимущество—начинать «царскую службу» в детском возрасте—евреи разделяли с некоторыми группами коренного русского населения: солдатскими детьми, сыновьями обнищавших помещиков и чиновников, а потом и с детьми ссыльно-поселенцев и каторжан.

Малолетних еврейских рекрутов наравне с солдатскими детьми и сыновьями бедных служащих отправляли в военно-учебные заведения. Ученики этих школ назывались «военными кантонистами».

Введение нового устава встретило сопротивление евреев. Они уклонялись от воинской повинности всеми доступными способами. В этом евреи, впрочем, следовали примеру других сословий России.

Рекрутская недоимка за евреями росла. Правительство Николая Павловича возложило ответ за исправную поставку рекрутов на еврейские общества. В каждом городе, местечке евреи тогда составляли общество; оно выбирало каждые три года свое правление, которое именовалось кагалом. Через кагалы правительство Николая Павловича рассчитывало управлять евреями, не нарушая народных еврейских обычаев. Власть смотрела на евреев как на особое сословие. В кагалы избирались люди богатые, от которых зависела всецело еврейская беднота. Когда над Россией после революций 48 года нависла с Запада близкая военная гроза, правительство начало усиленные военные приготовления. Кагалам представили требование чтобы недоимка по воинской повинности была погашена. Начались злоупотребления. Кагалы, возбуждая ужас в сердцах еврейской бедноты, начали сдавать в кантонисты мальчиков, недостигших и двенадцати лет: кагальные служители «ловчики» следили за каждым евреем, прибывшим со стороны, и, если у него не было паспорта, то его сдавали, как «бродягу» в зачет рекрутской недоимки с общества. Не даром в еврейской народной памяти эта пора получила имя «бехолес»—что значит «смута».

Отец Берка, Лазарь Клингер, возвращался вечером домой в веселом настроении: в руке у него был новенький ременный плетеный кнут на гибком вязовом кнутовище. В хорошем духе Клингер любил пошутить и, подходя к дому, улыбался, — он уже придумал для Берка и своих девочек веселую шутку. Лазарь заглянул в раскрытое окошко. Берка еще нет, а то бы он уже, наверное, жужжал над книгой. Дочери Клингера и еще несколько тоже грязных и оборванных девочек со двора шумно готовились к какой-то игре и «считались», распевая:

«Ехал пане из Малове, дае Цапке пива лове, оссе коссе шессале, дае, боже, бешале. Ик мик показик, эц прец, тут конец!»

Лазарь вошел тихонько в комнату, его увидала первая Двося и закричала, подбегая и обнимая его колени:

— Тату пришел! Хлеба принес.

Лазарь взмахнул в воздухе плетеным кнутом, ремешок свистнул:

— Да,—сказал Лазарь,—вот это и есть вам хлеб!..

Двося замерла в испуге. Дочери заплакали. Чужие девочки убежали. Лия целовала колени отца и лепетала:

— Не надо хлеба, только не бей меня.

Лазарь повесил новый кнут на гвоздик, опустился на скамью и, лаская Двосю, поманил к себе двух младших дочерей: Роза и Лия забились от отца в дальний угол и зарылись в брошенное там барахло и подушки и смотрели оттуда с испугом то на новый кнут, то на отца.

В эту минуту с книгою вернулся Берко. Двося еще плакала. Она убедилась, что отец не собирается ее бить и, осмеливаясь, прссила:

— Тателе, хоть ма-а-лень-кий кусочек хлеба... Маленький совсем.

Завидев Берка, все девочки завопили.

— Что такое с девчонками, отец? Чего они так ревут?..

— А! Они не понимают шуток! Я пошутил над ними. Видишь ли, Берко, на нас свалилось огромное счастье. Посмотри на этот кнут. Он стоит три злотых.

Берко поежился, вспомнив другой кнут отца,—старый с обломанным кнутовищем...

— Что ты опять нанялся фурманом? [1]

— Да. Ребе Шезори, представь себе, нанял меня в фурманы для балагулы [2] я буду два раза в шесть дней ездить в город.

— Ну так. Это хорошо, но ты купил девочкам хлеба?

— О, нет, Берко. Ребе Шезори мне сказал: «Что же ты, Лазарь, пришел наниматься в кучера балагулы, а я не вижу у тебя кнута. Где твой кнут?» Тогда я осторожно намекнул, что может быть кучер, которого прогнали, оставил какой-либо завалящий кнутик или у хозяина такой найдется. Тогда ребе Шезори рассердился и закричал: «Ну да, я понимаю. Вы все такие! К хозяйским лошадям вам дай еще хозяйский кнут. Тогда ты не будешь жалеть ни лошадей, ни кнута. Приходи со своим кнутом: если тебе и не жалко будет коней хозяина, то ты пожалеешь обломать о их спины свой собственный кнут». Что было делать мне, бедному еврею? Я вижу, что хозяин в хорошем расположении и упускать такого случая нельзя. Я пошел в лавку к Заккей Френкелю и купил у него кнут. «Покажи мне кнут,—сказал ребе Шезори, когда я вернулся к нему с кнутом,—хорош ли он, мы его сейчас попробуем». Я дал ему в руки кнут, и он ударил меня им три раза. Я не закричал. Я сделался совсем бараном от радости, что у нас теперь будет хлеб. «Хороший, кнут,—сказал ребе Шезори,—ну, ладно!» Беды нет в том, что хлеба нет сегодня, что вместо хлеба я купил кнут. Хлеб будет завтра. Но девочки не поняли моей шутки...

Девочки снова заплакали. Берко забрался к ним в уголок и утешал:

— Не плачьте. Завтра будет хлеб от кнута, а сегодня я принес вам немного хлеба от книги.

Лазарь Клингер уже встал на молитву. Наступал вечер. Потихоньку от отца Берко достал из кармана кусок хлеба и лук, полученные за урок в доме Мойше Шезори и, разломив хлеб на четыре части, три отдал сестрам, а четвертую побольше спрятал в карман; оборвав перья лука, он поделил их поровну между сестрами, а луковку тоже прибрал в карман...

Девочки поели хлеб, повеселели и принялись за веселую возню в своем углу. Берко уселся к окну с книгою, а Лазарь Клингер все еще бормотал молитвы, воздевая руки и кланяясь. Чтобы не мешать отцу и брату, девочки чуть слышно, почти шопотом, пели игровую песню из набора древне-еврейских, польских, русских и немецких слов:

Кесселе, кесселе мак, мак, мак! Можно линке, можно так. А мы свое помаленьку; сюда туда помаленьку! Ходе ди геле, ходе ди вос шабси, пани, папирос!

Берко поднял голову от книги, где были тоже спутанные слова. Уже темнело.

Лазарь кончил молитву и, кряхтя, укладывался на ночь на сундуке. Девочки угомонились, зарывшись в тряпье. Сделалось совсем темно. Свеча в оловянном подсвечнике выгорела еще вчера. Берко убрал книгу и стал примащиваться и затих в своем уголке на полу. Отец и сын не спали. Лазарь продолжал бормотать молитвы.

— Тателе, позвал его Берко,—ты сегодня не ел?

— Нет, но я сыт завтрашним хлебом, дитя мое...

— Но, ведь, ты должен сегодня поститься. Чем же твой пост отличается от того, что было вчера, раз ты не ел и сегодня?..

— Я вижу, Берко, ты будешь великий ученый. Ты уже задаешь трудные вопросы своему отцу. Я отвечу тебе. Я сокрушаюсь сегодня о своих грехах. Это и есть пост.

Берко промолчал, но он не мог заснуть. И Лазарь ворочался на своей жесткой постели и бормотал, тяжело вздыхая.

— Тату, я слышу, ты не можешь вспомнить за собой хорошего греха. Я тебе, хочешь, скажу твой главный грех.

— Скажи, сын мой.

— У тебя, отец, один грех— бедность. Отчего мы бедны, отец?

— Разве ты забыл о кнуте? Я буду работать. Разве мы нищие и нуждаемся в помощи от общества? В чем ты упрекаешь меня?

— Нет, нет, отец. Мы бедны именно потому, что ты много работал. И мамеле тоже. Она умерла от работы. А те, на кого мы работаем, спят сейчас спокойно на пуховиках; они не думают ни о грехах, ни о посте: для них равны и дождь, и засуха!

— Замолчи! О ком ты говоришь!

Разговор прервался. В глазах Берко клубились темные облака. Блохи жгли тело, было душно и жарко, все тело

[1] Фурман извозчик.

[2] Балагула—хозяин телеги. Здесь употреблено, как обозначение повозки

мальчика исполнилось досадой, ему хотелось плакать.

— Твой народ во всем нуждается, но разум его ограничен... Да будет благословение твое...—бормотал в просонках, теребя грудь ногтями, Лазарь...

— Отец!—плача закричал Берко,—он тебя не слышит... Перестань!

Лазарь ничего не ответил и захрапел, должно быть притворно...

Усталость победила и Берко—он заснул, прочитав свою молитву:

— Если ты слышишь, прости нам нашу нищету.

2. ЦАРСКИЙ КРЕСТНИК

По шляху под конвоем солдат идет, направляясь в далекое Поволжье, этап арестантов. Впереди, закованные в цепи, шли осужденные в сибирскую каторгу. За ними, под звон их цепей, шагали пересыльные без оков, а в хвосте плелось с десяток мальчишек, мал-мала меньше, по два в ряд: это были случайные рекруты, отправленные в батальоны военных кантонистов. В этапных списках конвоируемые разделялись на два разряда: 1) вроде арестантов, 2) не вроде арестантов. Вторую часть и составляли рекруты. Кратко их именовали «не вроде». Вслед за «не вроде» пылили обывательские фургоны с жалким арестантским скарбом, замыкая этап. Среди «не вроде» шел и Берко Клингер. Если бы чудесная сила—а он переставал верить в чудесное—поставила Берка теперь на площадь местечка Купно, то, пожалуй, его не признал бы, проходя мимо, и родной отец.

Да и узнать Берку теперь можно только по темным, словно вишни, запавшим глазам. Глаза остались те же. Берко был худ и раньше, а теперь он был—живые мощи. О пейсах—локонах, которые ниспадали, извиваясь по вискам, из-под ермолки, теперь не было и помину: голова Берка была на первом же роз дыхе острижена барабанщиком под гребенку, и самой ермолки не было давно: вместо нее на стриженой голове Берка болталась старая солдатская шапчонка: ноги Берка вместо туфель были обуты в «поршни», вроде лаптей, из сыромятной кожи, а вместо чулок обернуты онучей; труднее всего было Берку расстаться с памятью матери— своим старым кафтаном. А пришлось. Скоро вслед за Конотопом провожавший этап унтер-офицер сказал еврейчатам:

— Ну, вы, «не вроде», слухайте меня! Дальше жидков не мае. А куда придете, так ваше барахло никто и смотреть не захочет. Послухайте моего совета—продавайте здесь, а что выменяете, на месте продадите. В батальоне вас оденут во все казенное... А кто не скинет, так покается—в первой деревне ребята камнями закидают: там жид в редкость будет.

Рекруты заплакали. Иван Павлыч сказал:

— У меня обычай не пороть. А если реветь—выпорю всех на воздусях. По шляху—березы.

Тогда в этапе было еще только семеро «не вроде», все евреи. Все послушали совета начальника этапа. Берко, скинув кафтан, первый день ходил, будто голый в своем новом платье, напоминая шагом переодетую в мужское платье девочку. Когда этап вышел в ту сторону, где «жидков не мае», то шестеро из «не вроде» удивились, увидав, что седьмой сидит на подводе попрежнему в ермолке и в своем кафтанчике, более опрятном, чем тот, который был на нем раньше. Это был Ерухим, мальчик лет девяти, он был сдан в этап последним — его еще не успели и остричь... Лицо у Ерухима в слезах...

— Видишь,—сказал сосед Берка по паре,—Ерухим не захотел снять кафтана—и его еще не порют! Чего же испугались мы?

— Кто испугался? И смотри—он плачет, что с ним—мы его спросим в ростах [1].

В попутном городке, когда проверяли этап, унтер-офицер сказал воинскому начальнику, указывая на Ерухима:

— А вот это царский крестник!.. Его приказано, не в обычай, в первобытном состоянии везти, чтобы все видали, что крестить везут. По-моему, зря это—чего народ дразнить?

Ерухим громко заплакал, а за ним завопили и все «не вроде».

— Эй, вы, жидовское отродье,—молчать! Видно еще березовой каши не пробовали?—крикнул офицер.—Приучаешь? Порешь?

— Не довелось пороть!—ответил Иван Павлыч,—поводу не давали—они совсем как овцы, хоть в воду загони — пойдут. Ну, а если до дела, то и царскому крестнику попадет.

Ерухим зарылся головой в тряпье, брошенное на подводе, и затих...

Когда этап вышел из города, Ерухим попрежнему ехал на подводе. Товарищи посматривали на Ерухима с гневным испугом.

— Я пойду спрошу его,—сказал Берко,—что неужели он захотел креститься?

[1] Испорченное—роздых

— Не ходи! Не ходи! Ты знаешь, что надо сделать с ним?—залепетали в страхе рекруты.

— Да, но надо его сначала спросить, что это значит? Он обливается слезами.

Улучив минутку, когда конвойные заняты были ссорой между кандальниками, а этап остановился средь дороги, Берко подбежал к подводе и спросил Ерухима:

— Что значит «царский крестник»? Ерухим, ты решился на это? Тебя будет купать сам царь?

Ерухим затрепетал и лепетал сквозь слезы:

— Меня никогда, никогда не били!..

— Что? Тебя не били дома, но, ведь, ты учился в хедере? [2] Так тебя, наверно, колотил головой об стену меламед! [3]

— Нет!.. Я не учился в хедере; я учился дома...

— Так что же?

— Солдат сказал мне, что меня забьют на-смерть в батальоне. Да еще до батальона далеко. «Это я добрый, что не тронул никого из вас пальцем,—говорит он,—а чем дальше, больше будет битья. Если хочешь быть жив—крестись. Скажи, что хочешь быть царским крестником, пальцем никто не тронет. Если тебя не били, то привычки у тебя к палке нет—дело твое конченное!» Меня никто не бил, Берко, ну, я испугался, сказал, что хочу...

Берко, молча, отошел к товарищам.

— Ну что он тебе сказал?

— Его не били совсем! Он испугался.

Путь этапу лежал через большое село; было около полудня. С белой колокольни

[2] Хедер—еврейская школа.

[3] Меламед—учитель

Клингер встал на молитву

сельской церкви разносился веселый трезвон—видимо в селе был праздник. На улице мелкали пестрые платочки баб и красные рубахи мужиков, слышались песни, хотя еще не отзвонили в церкви. Перед околицей Иван Павлыч подошел к подводе, на которой ехал Ерухим, и сказал ему:

— Хлопче, ты лягай и лежи себе поколе мы селом идем, так будет тебе добре.

Ерухим поспешно лег на мешки и конвойный покрыл его с головой веретьем.

Этап уж миновал пестрый столб на околице и двинулся дальше по обочине шоссе; тут было легче итти тропой, огибая пирамидки щебня, запасенного для ремонта. Ерухим выглянул из-под веретья и сел на подводе—ему стало душно под покрывалом...

На последней, крытой старой обветренной соломою избе села была вывеска с тремя черными буквами «М. В. Д.»—что значило московский воспитательный дом. Когда этап поровнялся с этой избою, из-под воротни выскочила и залаяла шавка, в окнах мелькнуло несколько лиц, и вдруг из калитки выбежало целое стадо ребятишек, быстроглазых, оборванных, грязных, простоволосых.

Каждый шаг этапа удалял Берка от дома

— Шпитонцы! Ну, эти хуже собак,—проворчал конвойный. Эй, шагай, шагай! Хлопчик, накройся!—крикнул он Ерухиму.

Это были сданные в деревню на воспитание «шпитонцы»—из детей подкинутых в московский воспитательный дом—всем известный буйный народ.

Кандальники ускорили шаги. Шпитонцы сгамом до гоняли этап, набирая попутно в пазуху камней из пирамидок щебня...

— Арестантов бей! Бей крупу!—кричали шпитонцы, забегая со сторон...

В солдат и арестантов полетели камни.

Ерухим юркнул под веретье, но поздно: его ермолку увидали.

— Гляди, ребята! Царского крестника, никак, везут! Бей его, моченого! Бей кантонистов!

С обеих сторон в Ерухима полетели камни. Он вскрикнул и повалился на мешки...

Берко подхватил упавший у ноги осколок и швырнул в сторону шпитонцев, камень не долетел, но в ответ каменный дождь обрушился целиком на шедших в хвосте этапа «не вроде».

У скованных по ногам и рукам арестантов не было способов защищаться от камней. Еврейчата не умели кидать камней и попрятались от камней за подводы. Мужики-подводчики ругались, кинулись с кнутами на «шпитонцев»—те разбегались врассыпную, а потом опять настигали этап и кидали камнями. Бой был бы не равен, если бы один из камней не угодил в голову конвойного солдата. Тогда начальник этапа, дотоле лишь кричавший, «шагай, шагай», в расчете, что шпитонцы отстанут, скомандовал:

— Стой! К пальбе товсь! Скуси патрон! [1]

Этап остановился. Конвойные зарядили ружья. Шпитонцы перестали швырять камни и один по одному пустились на-утек.

Унтер подошел к подводе, где лежал Ерухим.

— Ну, что, царский крестник, поробил?

Мальчик не отзывался и лежал, не шевелясь.

— Эге! Да ему, никак, башку прошибло!

Из-под ермолки Ерухима сочилась кровь. Мальчик был без сознания. Конвойные сняли его с подводы и положили на траву обочины шоссе. Из кювета зачерпнули воды и обмыли голову. Ерухим открыл глаза и всхлипнул. Товарищи его не решались приблизиться. Арестанты бранились, что на мешках пятна крови. Ерухим, всхлипывая, затихал и хватался судорожно за платье и разводил руками.

— Прибирается, стало быть, кончается. Сейчас ноги протянет...—говорил, раскуривая трубку старик конвойный,—эй вы, иудино колено, может быть у вас есть какие молитвы, когда человек отходит. Подходи кто, читай...

Из рекрутов никто не решился подойти к кружку людей около Ерухима...

— Ноги тянет. Капут!

Ерухим протянул ноги и застыл...

— Вот оказия. Как теперь быть? С собой его везти до уезда иль тут закопать,—ни к кому не обращаясь, но видимо, спрашивая совета, заговорил конвойный Иван Павлыч,—как вот теперь рапорт писать?..

Все—и арестанты, конвойные, подводчики заголосили:

— Вздумал тоже: везти! Дело к ночи. Само собой—закопать. У Митрия на возу лопатка есть.

— Ведь пришлось-то кокловко, хоть бы подранили, что ли, да живого сдать в лазарет, пусть бы там и помирал, а то на-кося, наповал...

— Диво ли—щебень, смотри, по три фунта весом, да зубристый! Это и тебе бы по башке попало, так проломит, а у них черепок слабый. Значит, закопаем?

— Конечно. Все свидетелями были,—как было, так все и расскажем.

— Акт надо бы, что ли, составить?

— Там составят! Зарыть и все. А то вздумал «везти»—дорога лесом да ночь. Гляди и так сколько проканителились, кабы у перевоза заночевать не пришлось: паром-то от зари до свету не ходит.

— Ну, что ж, так делать и будем. Вот под березкой местечко подходящее. Не мало тут могилок под березкой на шляху приметно.

— Примечай, не примечай, на могилку поплакать никто не придет,—заметил солдат, поплевав на ладони. Он взял у подводчика заступ и принялся рыть могилу. Рыли по очереди,—споро, и могила тотчас поспела.

— Эй, что же вы,—крикнул рекрутам унтер,—неужто с товарищем прощаться не будете, ведь, окрестить его еще не успели.

— Нет, мы ничего не можем,—один за всех ответил Берко.

— Не можете, не надо.

Два солдата подняли тело Ерухима за плечи и ноги и опустили в яму под березой. Могилу засыпали, заровняли и навалили сверху большую булыгу.

Этап в молчании двинулся дальше по шоссе.

3. КАНДАЛЬНАЯ МУЗЫКА

Каждый шаг этапа удалял Берка от дома и прошлого и приближал будущее в чужом городе. Прошлое отступало бы-

[1] В старых солдатских ружьях порох засыпался с дула из бумажного патрона, пакетика, который солдат по команде: «скуси партон», надрывал зубами.

стрее, чем приближалось будущее,—этапная жизнь все одна и та же, а потому в днях была беспокойная пустота.

Густо-зеленые дубравы на пути сменились трепетнолистными тополями; трава серела, попадалась все чаще раньше, незнакомая полынь и розовые звездочки гвоздики; шоссе сменилось пыльным в сушь и грязным в непогоду большаком. Простор больше не пугал, а ему, казалось, не будет края: но где-то голубой чертой лежала Волга и с ней конец этапного пути для Берка и всех «не вроде». Теперь на «не вроде» реже падали обиды от селян; мальчишки попутных деревень не кричали «жидков ведут», а поглядывали на ребят в этапе с испуганным почтением: «кантонистов ведут»,—переговаривались мальчишки сдержанно и тихо.

В маленьком городке, когда до Волги осталось мало дней пути, к кандальным арестантам присоединили закованного по рукам молодого солдатика. Берко сразу в нем узнал еврея. Солдат был весел, из котомки за спиной у него торчал гриф скрипки и смычок; солдат нарочно потряхивал ручными кандалами—их перезвон напоминал игру на цитре.

Конвойный унтер-офицер встретил солдатика приветом:

— А, старый приятель, Музыкант! Опять бегал и попался?

— Что значит, попался? Я хочу просто прогуляться с вами до заведения.

— Ну, теперь песни играть будем по инакому!

На выходе этапа нового арестанта не приковали к общей цепи, которую волокли кандальники. Солдатик подошел к кантонистам и закричал:

— Здорово, жидки!..

Мальчишки смотрели на нового человека угрюмо. Один Берко решился ответить осторожно:

— Здравствуй, если не шутишь.

— Разве так отвечают начальству?— грозно нахмурив брови, сказал солдатик,—запорю, если не будете отвечать как должно!..

Конвойный унтер-офицер поглядывал на испуганных кантонистов, усмехаясь.

— Они у меня еще ничему не учены. И можно сказать—чудо: непоротых веду. Поводу никакого не дают.

— Ну, да, не дают! У вас же слабое к детям сердце. Трефное жрут?..

— Хлебом кормятся. Ну, а где яблочко сунут в руку. Ты с ними, Мендель, займись. Назначаю тебя к ним капралом.

— Ладно. Ну, слушайте меня, жидки. Если с вами здоровается начальник, например, как я, то вы должны отвечать все разом, в один голос, громко и весело: «Здравия желаем, господин капрал!» Когда же я буду генералом, то, конечно, придется вам кричать: «ваше превосходительство!» Поняли, как надо отвечать?

— Ну, да!—ответил за всех Берко, мы поняли и извиняемся, господин капрал, мы не знали, что вы начальник, мы даже не думали, что у начальства могут быть на руках эти штучки.

Слушая ответ Берко, новый начальник грустно крутил головой:

— Не так, не так начальству отвечают. Солдат должен отвечать начальнику коротко, весело: «точно так» и «никак нет».

— Точно так, господин капрал!—сказал, весело улыбаясь, Берко...

— Ага! Ну-ка сними с меня котомку и достань оттуда скрипку. Говори: «слушаю, господин капрал» и исполняй, что приказывают.

— Слушаю, господин капрал.

— Котомку повесь себе на спину. Она не тяжела.

— Слушаю, господин капрал.

— Вот так. Ты, я вижу, человек умный.

— Точно так.

Берко надел на себя котомку музыканта. Этап построился и готовился тронуться в путь. Сделали перекличку. Менделя выкликнули по списку так:

— Беглый кантонист первой роты волжской военной школы Мендель-Музыкант...

— Я!—заорал во всю глотку Мендель, выпучив глаза.

Потом он обратился к своему капральству:

— Ну, видите, жидки, я тоже такой. Но я все-таки ваше начальство. Ну, отвечайте!

Он, повысив голос, спросил:

— Что, жидки, нашли руки—ноги?

— Точно так, господин капрал!—нестройно, но видимо охотно ответили кантонисты: всем им понравился вопрос—особенно Берку, который вдруг с грустью вспомнил свой долгополый с длинными рукавами кафтан. Да, тогда Берко не знал, что такое руки и ноги. Теперь он их н а ш е л—о руках еще можно сомневаться, ноги же он нашел наверное.

— Ноги да,—прибавил к общему ответу Берко,—а чтобы руки, так еще нет!..

Мендель свистнул около носа Берко смычком:

— Если тебя не спрашивают отдельно—молчи.

— Слушаю, господин капрал.

Мендель заиграл на скрипке жуткую песнь

— Если ты не нашел рук, то скоро их найдешь тоже. Ты видел, например, когда нибудь, чтобы скрипач играл и с цепью на руках. Нет? Так вот!

Мендель приладил к щеке скрипку и провел по струнам смычком. Скрипка его запела, кандалы зазвенели.

— Что я вижу: звон моих цепей приятно слушать? Ну, я скажу вам,—настраивая скрипку, болтал Мендель,—я не только музыкант, а еще немножко слесарь. У меня в котомке есть напильник. Если бы дать этот напильник одному из этих бритолобых Иванов, так он наверно пилил бы кандалы п о п е р е к, чтобы убежать на волю. Я напротив, пилю кандалы в д о л ь. Вы понимаете? Они от этого делаются тоньше и легче. Эти кольца я оставляю в покое, а те подтачиваю, и вот теперь они дают, послушайте, аккорды.

Скрипка жалостно пропела и в лад с ней зазвенели цепи на руках Музыканта...

Под грустную песню кантонистов и стон кандальников: «подайте несчастеньким христа ради», этап двинулся по пыльным улица за город и вышел на дорогу к Волге.

Степь к востоку вздымалась бурыми буграми. Села стояли по горам. У околиц на гумнах махали крыльями ветряки. Скрипели воза. На токах стучали цепы. В полях еще стоят суслоны хлеба. Вдали виднелись шапками прибрежные горы: то синие под лесом, то белые меловые—тогда казалось в сумерках, что это снежные вершины.

Было воскресенье. Этап вступал в богатое село. Арестанты подобрали и придержали цепи, и они едва звякали при каждом шаге. Мендель, отбивая такт своими кандалами, заиграл на скрипке грустную песню. С Менделем рядом шел Иван, запевала арестантов. Вытянув худую тонкую шею, он запел:

— «Пройдет зима—настанет лето, в полях цветочки расцветут, а нам с тобою, мой любезный, в железо ноги закуют!»

— Каторжников ведут!—возвестили селу, восторженно визжа, р е б я т и ш к и,—опять Музыкант ведет!..

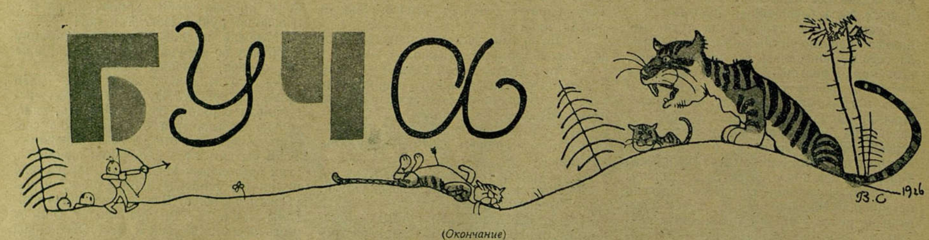
— В последний раз веду!—в ы к р и к н у л куда-то вдаль Мендель, глядя по направлению к Волге, вдруг блеснувшей меж бурых увалов голубым стеклом. За Волгой мглистым морем подымалась к небу пойма.

Немало лепешек из муки нового помола, дуль и яблоков, дынь и а р б у з о в перепало этапу пока он под песню мимо церкви и кабака проходил селом. У кабака конвойные хватили вина, к вечеру писали мыслете и арестанты, хотя этап прошел село без останова; конец пути был близок, в город на Волге можно было притти засветло,—но в таком виде п о к а з а т ь этап начальнику конвоя не хотелось: он объявил «ростах» и ночевку у придорожного ключа на скате гор под самым лесом.

(Продолжение следует)

Степан Шилов

Рис. худ. В. Сутеева

(Окончание)

РАЗБОЙНИКИ

Они быстро поднимались в гору, потом спустились вниз. Долго шли по какой-то долине, стараясь держаться речки. Это был тяжелый поход. Охотники то и дело падали, то запинаясь о деревья, то проваливаясь в ямы. До крови царапали руки и ноги. В клочья рвали одежду... И как-то совсем неожиданно вышли на опушку.

Вздох облегчения вырвался из наболевших грудей зверобоев,—Парфилка и еще кой-кто узнали местность: устье речушки Хожей, между Листвянкой и Посельем, три версты от дома, по хорошей дороге.

— Эх, вы!—вновь обнаглел Парфилка.— Перепужались зверей... Бабы!

— Я больше никогда не пойду на охоту за тиграми,—шептал Вася соседу.— Дома в сто раз лучше... ага, Сережка?

— Я тоже,—горячо согласился с ним Сережка, ощупывая зубы, разбитые при падении Парфилки с дерева. — Завтра намнем хвастуну бока... Гад!.. До-крови...

— Ну, распутывайтесь, курицы! Сцепились тут! Охотнички! Айда!

Теперь остается перевалить еще один мысочек, и налево будет дорога в Листвянку. Бодро шли мальчуганы.

— Не наступать на пятки!

Вдруг они остановились пораженные: яркий костер горел в кустах за мостиком, в сторону Поселья. Какие-то тени двигались вокруг него. И издали тени эти казались огромными и ужасными.

Мороз пошел по коже. Зубы стали сами собой выбивать дробь. Живот и ноги налились свинцом: «кто это?»

— Ой, с ножами!.. Разбо-ой-ники!— вдруг заорал полудикий от страхов сегодняшней ночи Сережка и бросился в сторону Листвянки.

— А-а-а-ай!—завопили, не помня себя, охотники за тиграми.—А-а-ай!

Около костра тоже заревели. Поднялась суматоха. Там что-то происходило. Люди суетились, торопливо ловили лошадей. И тоже выли на разные голоса:

— Не бросайте! Подождите! Не броса-а-ай-те!

Охотники что было мочи, мчались по дороге в Листвянку. Еще быстрее их неслись домой—кто верхом, кто, не успев разыскать коня, пешком—посельские мальчишки, выезжавшие с лошадьми в ночное.

Два диких рева катились среди глухой ночи в противоположных направлениях и взбудоражили оба казачьих поселка.

Всю ночь искавшие мальчишек листвянцы еще издали услыхали крики и целою вооруженною ватагой бросились навстречу.

— Разбойники!—кричали охрипшими голосами запыхавшиеся охотники. — Разбойники!.. Там, у моста!.. Чуть не зарезали!.. Едва вырвались!.. Разбойники!.. За мысочком!.. В кустах!.. Разбойники!..

Листвянцы, прижав ружья и шашки, помчались дальше.

А в это время гудело по сонному Поселью:

— Эй, посельщики!.. Скорей!.. На коней!.. Разбойники напали на мальчишек в ночном!.. Лошадей всех, проклятые, угнали!.. Эй, выходи все!.. В погонь, посельщики!.. В погонь!.. В по-го-онь!..

Взошла луна и осветила широкую дорогу.

Теперь две вооруженных лавы катились навстречу одна другой.

— А их много, гляди!—хрипло крикнул усатый, дородный вахмистр Сутунков, задерживая храпящего коня.—Ребята, дело сурьезное! Спешивайся разом— и в цепь...

Посельцы тоже остановились и о чем-то совещались.

Потом от них дошел чугунный голос:

— Эй, вы там! Кто ни на есть! Отпускай сейчас же коней! Сейчас же отпускай!

— Что за чорт!—изумленно пробурчал старик Никитич.—Ефремкин, зятев, голос... Ей бог, его! Я хоть за версту, так его узнаю.

— И, впрямь, ровно его,—подтвердило несколько голосов.—Кто же еще так может орать, как не Ефремка.

— А ну-ка, окликни, Микитич!

— Это ты, Ефремка?!.—заревел изо всей мочи Никитич, сделав ладони лодочкой.—Ефремка, ты, леший?

— Леший, да не пеший... А вы кто будете, красавцы? — донеслось оттуда. «Они» о чем-то спорили.

— Лисвянски!.. А вы?..

— Посельски!..

— Вы с какого же это, умники, на рожон-то прете? Не сдурели случаем?

— Разбойников догоняем! Коней как у наших мальченков отбили! А вас-то куда несет?

— Мы тоже, значит, за разбойниками! У нас восемь парнишечков чуть не зарезали! В лесу злодеи, почесть, всю ночь тиранили! Не иначе, выкуп хотели содрать!

— Что, вы говорите?! Да неужели правда?!

Перекликаясь таким образом, посельцы и листвянцы с'ехались недалеко от рокового мостика.

— Вот так плешь!—поражались листвянцы.—А ведь еще малость, и мы, ей бог, послали бы вам винограду! Только бы чуть что маленько—и... Фу, ты же дьявольщина какая!

— А мы тоже гостинчиков вам везли. Через всю спину до самой тетки Улиты! Вот была бы каша! Ай-яяй!

— Не каша, а прямо именины! Ведь могли, дураки, перекоцать друг дружку. Хы... Спасибо еще Микитичу с Ефремшей!

— Ай-яяй! Ить что можно, ребята, настряпать сдуру, а? Тьфу! Шутка, что ли?

— Но где же разбойники?

— А кто их... Мы не видали... А вы?

— Мы тоже... В лес не иначе бросились... с перепугу... Куда же больше?

Казаки не знали, что делать. Преследовать в лесу ночью — бесполезно. Решили дождать света. На всякий же случай, раззодорившись, вспомнив старинку, без нужды дали залп по сонному, черному лесу. Лес долго гудел и стонал, разнося тревогу по горам и долинам.

— Ух!.. Ишо?—возбужденно предложил Ефремка.—Ишо, ребята, бабахнем!

— Будя, леший! Тебе дай, так ты до Покрова палить тут будешь. Ишь глазищи-то как заворочались...

—Хо-хо-хо!..

А в это время в обоих поселках охали, крестились и плакали переполошенные домашние.

— Ой, воюют! Ой, сохрани, владычица! Ой, воюют, родименькие, воюют! Воюют, соколики наши, воюют! Ой, на смертушку бьются с душегубцами! Ой, чтоб ни дна бы им, ни покрышки! Ой, воюют, родименькие!

Светало. Близилось солнце. Туман медленно поднимался от речки, от озер, отдирался седою, рыхлой стеной от опушки влажного, пробудившегося леса.

— А это, смотри, кто там? у горы-то? Во-она?

— Э, да это никак кони наши?—обрадовались посельцы, вглядевшись.

— Верно!.. Вон, смотри, во-он мой Пегашка! голову-то еще поднял?

— А Гнедуха-то моя, глядите, куда забралась, бесстыдница!—загрохотал саженный верзила Ефремка.—Эй, Гнедушка-старушка!.. Тпрсе! Тпрсе! Иди сюда щиколад пить с добрым утром! Гнедушка, тпрсе, тпрсе!

— Но где же разбойники, штоб их... А?

— Тут што-то, мужики, я гляжу, как будто не тово,—положив табаку «за губу» и сощурив один глаз, пробормотал лохматый Сутунков.—Неправильно вроде как... А?

— Шут ее знает, что за окрошка такая!..

И только через час, в Листвянке выяснилось, наконец, в чем дело.

Разбойник оказался один... Парфилка...

Когда взбешенный отец пришел домой, Парфилка, на правах тяжко претерпевшего от разбойников, сидел за столом с мученическим видом и в то же время ел большой ложкой простоквашу, глотая оладьи чуть не целиком.

— Ах ты, гад полосатый!—зарычал отец, схватив его за ухо.—Да ты никак совсем сдурел, проклятый. Ведь ты, змей, какую беду-то чуть не наделал? Ведь, злодей ты этакий, ты сколько народу-то мог погубить, окаянный!

Здорово попало тогда Парфилке. Дня три он не мог сидеть по-человечьи. Но самое главное, самая непоправимая беда была не в этом: его журнал, его гордость и отраду, его любимый журнал—увы... И запрятали так, что никогда не отыщет...

— Ах, подлая тигра,—прошептал, вздохнув, Парфилка.

— Ты все-то не спишь?—опять спросила мать, засыпающим голосом. — Спи, Парфилка. Уж скоро, нако, светать будет... Спи!..

И тотчас же тяжело захрапела.

ПРОКЛЯТАЯ КРЫНКА

Такова была история Парфилкина журнала. Тяжелая история. Долго тосковал по нем Парфилка. Потерял было уже надежду увидеть его когда-нибудь, но сегодня он неожиданно напал на след: Верка проболталась, что знает, где спрятан его журнал, и за красивую синенькую стеколку, красный лоскуток и одну особенно понравившуюся ей картинку из журнала согласилась продать секрет брату:

— В кладовке. На верхней полке. Под противнем.

Получив столь драгоценные сведения, Парфилка решил во что бы то ни стало достать журнал сегодняшнею же ночью. Вот только, как нарочно, все время ворочается мать. Но сейчас заснула, наконец, и она.

Надо действовать! Ждать больше нечего...

Осторожно, затаив дыхание, поднялся Парфилка с постели и на цыпочках прокрался в сени.

Кладовку он знает хорошо: вот сусек...

Яркий костер горел в кустах

вот бочка... вот овчины... А вот и ящик, с наваленным сверху всяким хламом. Теперь остается только взобраться на ящик, протянуть руку на полку—и...

Вот Парфилка уже на ящике... Сердце трепещет, как птица... Замерла вся душа... Вот дрожащая рука его уже жадно тянется к вожделенной полке...

Вдруг качнулся ящик, — Парфилка, чтобы не свалиться, ухватился за полку, но полка накренилась,—и стоявшая там крынка с простоквашей злорадно прыгнула прямо на лохматую Парфилкину голову...

Отец с матерью прибежали всполошенные, мать—со свечкой, отец—с топором. Очумелый Парфилка стоял посредине кладовки, залитый простоквашей от макушки до пят...

Отец и мать при виде человека с мозгами наружу, сначала затряслись от страха, но, вглядевшись, узнали... Парфилку...

— Ты что тут делаешь, раз'язва ты этакая?—загремел через минуту отец, попав босой ногой в холодную жидкость.—Что ты тут опять устраиваешь, окаянный? А? Тебя, анафема, спрашивают, али столб? Парфилка?.. Тьфу, ты леший!—ругался он, отряхая то одну, то другую ногу.

— Разбойники... — промямлил Парфилка, отирая с лица густо плывшую с макушки жижу.—Я... простокваша... Я...

— Опять «разбойники»!.. Я тебе таких разбойников покажу, что...

Но мать, не выдержав, расхохоталась: уж больно смешон и беспомощен был испуганный мальчишка!

Отец еще раз взглянул на жалкого, сгорбившегося шалопая, незаметно улыбнулся в усы и скомандовал грозно, но уж беззлобно:

— Ложись иди, бесенок! И что это за чадушко такое!.. Охо-хо-о...

Парфилка был рад такому исходу. Быстро шмыгнув из кладовки на постель, он накрылся с головою одеялом и затаил дыхание.

Правда, лежать было противно. Очень скверно было лежать несчастному Парфилке, так как проклятая простокваша забралась не только под рубашку, но наполнила, стекая, и подсученные гачи, все же это было куда получше столь ненавистного отцовского ремня! Даже и сравнить нельзя. В сто раз лучше. В двести раз!..

Долго еще вздыхал и проклинал крынку Парфилка. Ощупывал зашибленное темя. Ворочался на мокром войлоке. Но сон незаметно подобрался и к нему. Постепенно мысли его слабели, путались, гасли. Черное, легкое, мягкое покрывало медленно опускалось на буйную Парфилкину голову, и он заснул тихо и крепко.

А по крыше ползал ветер. Тявкали собаки. Глухо шумел Сухой Хребет

Что читать к Октябрю

ДЖОН РИД. **«Штурм отжившего мира»**. Изд. «Прибой». 1925 г. 63 стр., ц. 20 к.

Это сокращенное издание. Полное—называется «Десять дней, которые потрясли мир».

«Книга эта—лучший рассказ об Октябрьском перевороте. Написана она американцем, но американцем коммунистом. Он связал себя целиком с русской революцией. Советская Россия стала ему родной и близкой. Он в ней и погиб от тифа и похоронен под «Красной стеной». Так пишет про Джона Рида Н. К. Крупская.

А Ленин писал о его книге: «Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живое написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое Октябрьская революция, что такое диктатура пролетариата».

Во время переворота Д. Рид был в Петрограде (Ленинграде)—в Смольном и Зимнем Дворце, в Москве—в Кремле: в самых горячих местах. Он наблюдал самые боевые моменты восстания,по этому он и сумел так живо описать их.

Полный перевод книги Д. Рида труден для пионеров, но сокращенный—с увлечением прочтут старшие ребята.

Отдельные места хорошо читать вслух на звене перед октябрьскими днями.

СКОРИНКО, Ив. **Комсомольцы Октября.** Изд. «Прибой», 1924 г. 128 стр., ц. 50 коп.

Книга состоит из ряда отдельных очерков. Зарождение комсомольской организации в Ленинграде, пред-октябрьские дни, переворот, боевая работа комсомольцев, которые составили команду красного бронепоезда.

Очерки очень живые, яркие, бодрые,—настоящая комсомольская беседа, с задором и шуткой. Для ребят с 13—14 лет.

КАВЕРИН, В. **Осада дворца.** Повесть для юношества. Иллюстрации Н. Тырсы. Госиздат, 1926 г. 35 стр., ц. 40 коп.

Решающим моментом Октябрьского восстания в Петрограде (Ленинграде) было взятие большевистскими войсками Зимнего Дзорца, в котором заседало временное правительство.

Этот момент и описан в повести.

Увлекательная, но немного трудная книжка.

Когда читаешь ее, очень живо чувствуется грозное настроение момента. Этому помогают суровые и мрачные рисунки Тырсы.

Для ребят от 13 лет.

В. Федосеев

ГОТОВЬСЯ К ОКТЯБРЮ

В ЭТОМ ГОДУ мы будем в девятый раз праздновать годовщину Октябрьской революции. Девять лет прошло с тех пор, как рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки. Девять лет упорной работы по укреплению завоеваний Октября.

Этот праздник будет отмечен всеми трудящимися нашей Советской страны, партией, комсомолом и юными пионерами, и не только у нас, но и за границей.

В годовщину Октябрьской революции пионеры должны особенно помнить о том, что они носят великое звание ленинцев. Ленин был вождем Октябрьской революции, пионеры—его внуки, дети Октября, должны суметь продолжить дело Ленина.

В 9 годовщину Октября пионерам нужно проверить себя—являются ли они ленинцами, работают ли по-ленински, выполняют ли законы и обычаи. Сколько у нас еще таких пионеров, которые не стремятся получать знания, плохо учатся в школе, ходят неаккуратными, грязными, халатно относятся к общественной работе и порученным заданиям, хулиганят, показывая плохой пример для окружающих ребят! Такие пионеры не могут называться ленинцами и не принесут никакой пользы ни партии, ни комсомолу в их борьбе и строительстве.

Об этом нужно вспомнить в 9 годовщину Октября и постараться искоренить эти недостатки, поставив всю работу отряда на правильный, ленинский путь.

В годовщину Октября нам нужно еще раз проверить нашу работу с неорганизованными ребятами. Сколько их еще стоит в стороне, не участвуют в нашей работе.

Нельзя забывать и про наших товарищей—пионеров сел и деревень, пионеров наших далеких окраин. Им приходится подчас очень тяжело—недостает руководителей, литературы, плохие материальные условия. Наш долг помочь им.

И особенное внимание в этот день пионеры должны уделить именинникам — октябрятам. К октябрятам не всегда мы хорошо относимся, отряд в целом часто мало внимания уделяет работе группы октябрят. Это нужно изменить. Пионеры являются старшими товарищами октябрят и должны помогать им в их работе. Задача пионеров — воспитать из октябрят хороших ленинцев.

К годовщине Октябрьской революции пионеры должны постараться выполнить все эти задачи.

НУЖНА ТЩАТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА

Для того, чтобы провести праздник Октябрьской революции хорошо, нужно заранее подготовиться к этому. Обычно у нас бывает так: приближается какой-либо праздник или кампания (например, Детская Неделя), отряд спохватывается за несколько дней, начинает спешить, торопиться, ничего толком не успевает проделать, и в результате кампания эта проваливается, ребята ничего не усваивают и только переутомляются. От этого пора отказаться. Вся работа должна протекать планомерно.

Подготовку, конечно, нужно начать с совета отряда. Совет отряда за $1-1\frac{1}{2}$ месяца вырабатывает план участия отряда в праздновании Октябрьской революции, распределяет всю работу по звеньям и вырабатывает календарный план. Разберем примерный план.

РАБОТА ЗВЕНЬЕВ И ОТРЯДА

Звенья начинают на своих сборах прорабатывать историю Октябрьской революции. Чтобы было интересно, можно проделать это следующим образом: каждому звену дается какая-либо тема, напр.: „Участие детей в Октябрьском восстании", „Что дал Октябрь" и т. д. Звено в беседах путем чтения и т. п. прорабатывает свою тему. Свои беседы звено иллюстрирует чтением рассказов и стихов, подходящих по теме. Очень желательно, чтобы кто-либо из ребят или же звено коллективно подготовило небольшой рассказ, стихотворение или коллективную декламацию, которая бы ярко иллюстрировала проработанную тему.

Звено также в рисунках, плакатах, диаграммах и лозунгах подготавливает материал для уголка Октябрьской революции, который устраивается объединенными усилиями всех звеньев.

На одном из отрядных сборов работа звеньев закрепляется общей беседой, которая проводится самими ребятами на основе проработанного в звеньях. Беседа иллюстрируется рассказыванием, декламацией и т. п. Таким образом коллективно, живо и интересно прорабатывается история Октябрьской революции. На эту беседу желательно пригласить побольше неорганизованных ребят.

Кроме того, хорошо провести 1—2 беседы с воспоминаниями об участии в Октябрьской революции кого-либо из партийцев и беседу об октябрятах на совместном сборе с октябрятами.

Все эти беседы можно закреплять разучиванием новых, революционных песен, коллективной декламацией и играми.

Звенья могут также провести исследовательскую работу на своем предприятии, в своей деревне, выясняя, как там проходила Октябрьская революция.

Для закрепления всей этой работы желательно, чтобы отряд посетил Историко-Революционный музей, мавзолей Ленина[1], а также провел 1—2 экскурсии по городу „по следам" Октября.

Очень интересно в одни из свободных дней провести массовую игру-инсценировку Октябрьского восстания в Ленинграде. В эту игру нужно вовлечь неорганизованных ребят, соседние отряды, школу. Подумайте хорошенько над тем, как организовать эту игру. Основательно познакомьтесь с тем, как протекало восстание в Ленинграде, и коллективно выработайте правила игры. Игру можно провести в большом масштабе, в городе, районе.

Вся эта работа может найти свое отражение в уголке Октябрьской революции, где каждое звено дает наглядный материал того, что им проработано.

Стенная газета к Октябрю также учитывает всю эту работу. Поменьше громких статей о мировом Октябре, побольше отражения работы отряда и его практических задач в связи с годовщиной Октябрьской революции.

ВЕЧЕР ОКТЯБРЯ В ОТРЯДЕ

Годовщину Октября в отряде нужно отметить устройством массового праздника совместно с октябрятами и неорганизованными ребятами. Особенное внимание на этом празднике должно быть уделено пионерской смене—октябрятам.

К празднику нужно основательно подготовиться: выработать план праздника, подготовить программу, украсить помещение, подумать о том, как привлечь неорганизованных ребят.

Программа праздника может составиться из двух частей: торжественной части, в которой желательно поставить беседу—воспоминания старого большевика, торжественно передать октябрят в пионеры, принести торжественное обещание и закончить все это коллективными выкриками и песнями, и художественной части.

Торжественная часть не должна продолжаться далее 30—40 минут.

В выступлениях можно показать физкультуру, песни, пьески, живую газету.

Программу праздника нужно построить таким образом, чтобы все были вовлечены в массовое действие, организовать массовое пение, декламацию и игры.

УКРАШЕНИЕ КЛУБА

К Октябрю клуб должен быть окончательно отремонтирован (ремонт лучше производить самим ребятам) и красиво украшен Октябрьскими лозунгами, плакатами и рисункам. Очень желательно устроить в клубе отчетную выставку летней работы отряда в лагере и на площадке, уголок октябрят и Октября.

Выставку нужно использовать для ознакомления неорганизованных ребят с пионерской работой.

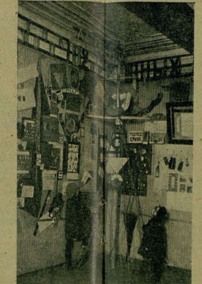
С октября пионерская работа переносится в клуб и к этому времени он должен быть окончательно организован. Не всегда мы на это обращаем достаточное внимание, и часто наши клубы похожи на пустые, неуютные сараи. Дружными, коллективными усилиями нужно постараться превратить наши помещения в образцовые уютные клубы, куда стекались бы и неорганизованные ребята.

УЧАСТИЕ В ДЕМОНСТРАЦИИ

Обычно у нас демонстрации проводятся таким образом: отряд медленным шагом двигается в общей колонне, часто и надолго останавливается в ожидании пока колонны не двинутся вновь. Мало песен, веселья, живости. Скучно, утомительно.

В день Октября мы должны показать нашу бодрость, нашу силу. Давайте побольше разучим новых песен, декламаций, коллективных выкриков под шаг. Разукрасим нашу колонну лозунгами и плакатами. Украсим автомобиль, в котором поедут октябрята.

Пусть в день 9 годовщины бодро прозвучат пионерские песни на всех площадях и улицах нашего Союза.

Выставка работ пионеров Краснопресненского района в Москве.
НАВЕРХУ: Модель мачты и материал, привезенные крымской экскурсией пионеров.
В СЕРЕДИНЕ: Модели мавзолея и парохода, на стене фотографии лагерной жизни.
ВНИЗУ: Старая и новая электрифицированная деревня.

[1] Для московских отрядов.

Сергей Третьяков

Китайские школяры

Когда я впервые приехал в Китай, мне пришлось прогуляться в деревню во время остановки парохода, шедшего в Тяньцзин (а в Тяньцзин с моря пароходы идут рекой Пейхо, извилистой, узкой и усаженной непрерывным рядом деревень по берегам).

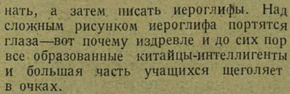
Трудно рисовать китайские буквы

Пожирая глазами непривычные дома без окон на улицу, дома, у которых и стены и крыша слеплены из глины с соломой, я увидел особенно большой и красивый дом с красными воротами. Из дому доносилось не то пение, не то чтение. Вошел. Встретил меня приветливый человек в синем халате, в безшумных туфлях, в лоснящейся черной тюбетейке. За воротом у него был воткнут веер,—не в кармане же его держать,—а с веером китаец летом не расстается. Привел меня человек в комнату, поклонился и оставил одного. «Храм»—решил я. На стенах висели картины, изображающие мудрецов, а также изречения, написанные огромными буквами. Одно меня удивило—на том месте, которое я принял за алтарь, стояли часы.

Вошел другой человек в очках, но вид у него был поважнее, чем у первого. «Жрец»—решил я. Он что-то говорил—я не понимал. Я говорил—он не понимал. Наконец, он нащупал язык, на котором мы могли понять друг друга, и сказал по-английски: «скулл»—школа.

Это была сельская школа, устроенная в заброшенном храме. Моим собеседником был учитель. Из класса—гуд. Так гудели еще в старое время еврейские школы—хедеры. Сверля глазами страницу книги, китайченок раскачивается взад-вперед, взад-вперед и бубнит одно и то же слово. Выбубнит раз сто, запомнит и берется за другое. Это они учатся читать, вызубривая наизусть правила благонравия.

У китайцев нет букв—у них каждое слово имеет свой рисуночек, иероглиф. Правильно сказать, что китайцы не пишут, а рисуют слова. Действительно, надо видеть, с каким старанием, сопя и надувая губы, китайченок орудует тоненькой барсучьей кисточкой, которую он вываливает в туши (вместо чернил у китайцев тушь, густо разведенная в воде). Хорошего рисователя иероглифов в Китае ценят выше, чем у нас знаменитого художника. И ремесло каллиграфа (красиво пишущего человека) в Китае очень распространено. Не надо забывать, что иероглифов в Китае тысяч 60, запомнить их все—это целая наука; пищущей машинки на 60.000 клавиш не изобретешь. Даже газетный наборщик в Китае мечется между десятью тысячами ящиков с иероглифами. Для простоты и понятности китайские газеты печатаются не шестьюдесятью, а только десятью тысячами иероглифов.

Долго учатся ребята в читке запоминать, а затем писать иероглифы. Над сложным рисунком иероглифа портятся глаза—вот почему издревле и до сих пор все образованные китайцы-интеллигенты и большая часть учащихся щеголяет в очках.

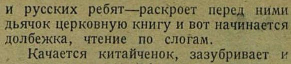
Я спрашиваю учителя, который склонился над неповоротливым пузанком и помог ему вырисовать иероглиф,—«почему Китай не перейдет на буквы?».

Учитель об'ясняет:

«Иероглиф имеет свои удобства. Ведь устный язык в каждой китайской губернии другой. Язык кантонца от языка пекинца отличается, как русский от английского. Устную речь понимает не каждый китаец. Зато иероглифы понимает и свободно читает не только весь Китай, но и Корея, и Япония».

Учитель был по-своему прав. Я встречал часто китайца, говорящего с корейцем. Устный разговор обычно длился недолго (им очень трудно понять друг друга). Они замолкали и начинали пальцем писать на ладони иероглифы.

Тот способ учобы, который я видел, очень древний. Так в старину учили

и русских ребят—раскроет перед ними дьячок церковную книгу и вот начинается долбежка, чтение по слогам.

Качается китайченок, зазубривает и звук слова и иероглиф его да кстати и правило доброго поведения—послушания, покорности родителям и начальству, запомнит. Больно уж вежливыми, совсем не озорными, серьезными растут китайчата. В этом возрасте они не бунтуют ни против родительского кулака, ни против иностранного насилия, ни против хищных и преступных чиновников. Бунт придет позже, когда китайченку пора будет в университет собираться.

Кончился урок чтения и письма, пропели ребятишки несколько песен, для нашего слуха непривычных, обстоятельно завернули кисти, книги и бумагу в тряпочку и, гуторя, побежали домой.

Вот школа. Никакие новые теории насчет трудовой школы не коснулись ее. Учат в ней, как учили 1.000 лет назад. Но, ведь, и такая школа—благодать. Ведь в Китае на 10 человек только один грамотный, ведь девочек грамоте учат только горожане, а деревня считает, что «неграмотность—украшение женщины».

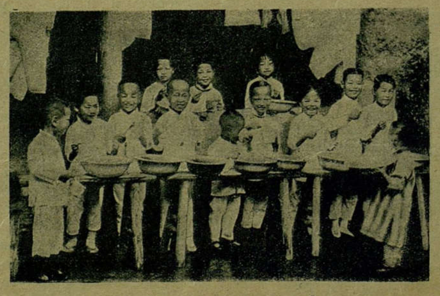
Очень дешева китайская школа: за полтинник в полугодие ученику дается и учитель, и книги, и бумага, и кисть. И то это трудно нищему деревенскому и городскому рабочему населению. Нет этого полтинника.

Иностранцы во-всю строят школы для китайчат. Иностранцам эти школы вдвойне нужны. Во-первых, пусть китайцы хвалят иностранцев за их доброту. Ведь иностранец одной рукой грабит с Китая миллионы рублей, а другой рукой на тысячи рублей строит школы да лечебницы, думая этим откупиться за свой грабеж.

Во-вторых, иностранцам выгодно воспитать в своих школах покорных китайцев, образованных, годящихся в приказчики в иностранные конторы и лавки, которых так много в Китае.

В иностранных школах обучают лучше, но зато пичкают библией и другими церковными книгами. А, ведь, библия, она не далеко ушла от родных старокитайских правил покорности, уважения к начальству и терпеливости.

Совсем другого рода вечерние школы, которые устраивались студентами для бедноты; в этих школах учили не просто читать, а читать газету; не просто писать, а уметь написать корреспонденцию или прокламацию, учили не покорности, а восстанию. Эти школы обычно велись втайне, чтобы не попасть в лапы полиции.

Китайские школьники чистят зубы

Китайское министерство просвещения—это банда чиновников, жадных до взяток. От него ждать хорошего китайской школе не приходится.

Но зато растет студенческая школа, частная школа. Особенно двинуто дело вперед в Кантоне—там школа начинает строиться по трудовому советскому образцу.

Плоха китайская школа, невелик процент ребят в нее попадающих. Но эти ребята чувствуют себя счастливыми в сравнении с миллионами ребят, детей бедных крестьян и рабочих—кули. Этих ребят вместо учобы сызмальства ждет тяжелый труд в грязи, впроголодь, в холоде. Эти ребята будут таскать тюки, толкать телеги, груженые кладью по второй этаж; они будут глотать шерстяную пыль, готовя красивые ковры для господских квартир; они будут замертво падать от усталости у кипящих чанов, где тянутся шелковые нити, из которых потом соткутся красивые материи для господ. Они будут надрывать голоса, таская по улицам на коромыслах лотки с товарами. Они будут простужаться, раздувая огонь в кузницах и в мастерских медников. Еще хорошо, если они сумеют за свою работу получить гроши, а то часто бывает, что семьи, доведенные голодухой до отчаяния, продают своих детей в полную собственность фабрикантов и хозяйчиков.

Все эти ребята растут хилыми, больными, неграмотными и запуганными. Но ребята, учащиеся в школах, прочтут газеты и расскажут ребятам-работникам, что есть Советская страна, а в ней фабзайчата и пионеры и веселая работа по всеобщей ликвидации неграмотности, которую Ильич велел одолеть возможно скорее.

Я. Уральский

От хедера к советской школе

Нас было больше 40 человек. Небольшая комната с низким потолком, заросшим от сырости грибами, служила нам «классной» комнатой. Эта же комната служила нашему «ребе» [1] квартирой. Галдеж учеников, читающих нараспев священное писание и библию, ругань и проклятия жены «ребе», от которых у старого Боруха валились очки с носа, все это ужасным гамом носилось в воздухе. По комнате расхаживали грязные, замазанные чернилами сыновья и дочери «ребе». А их было больше 8 человек, мал-мала меньше. От всего этого ада невыносимо трещала голова и готова была ежеминутно развалиться на части, особенно, когда в довершение всего этого, к ней прикладывалась рука нашего «наставника». Мы сидели вокруг длинных столов, наклонившись над толстыми библиями. Вникая в их сомнительную мудрость, под наблюдением «ребе» с плеткой в руках, мы просиживали с 9-ти утра до 7-ми вечера, без перемен, имея только получасовой обеденный перерыв. И так изо дня в день. Без движения, без игр, без смеха, в течение нескольких лет.

Дело происходило зимою. К нам в хедер поступил один парень лет тринадцати. Его грустное лицо с глубоко сидящими черными глазами произвело на нас удручающее впечатление. Чувство жалости охватило нас при взгляде на него. Наш «ребе» славился своей жестокостью. Что это станет с бедным Мулькой, когда на него насядет с плетью «ребе»—этот рыжий дьявол, с багрово-пунцовым носом и выпученными, как у рака, глазами?

События не заставили себя ждать. «Ребе» почему-то не взлюбил Мульку с первого дня. А он при каждом окрике медленно поднимал голову, вскидывал черные глаза на раз'яренного учителя и также спокойно принимался опять за библию. Первое время обошлось без инцидентов. А затем... Это был сплошной кошмар. Никто из нас не подозревал, что в этом дряхлом старикашке таится такая звериная жестокость. Он буквально не выносил Мульку. За малейший пустяк он принимался его бить. То крутил ему уши, то ударял толстой книгой по голове. Он изощрялся во все новых пытках. А тот только бледнел, закусывал нижнюю губу и... молчал. Бледнели и мы,—еще больше наклонялись над книгами, и как будто ничего не замечали. Горе было тому из нас, кто в это время встречался взглядом с «ребе». У такого храбреца на руках или на лице всегда оставались на несколько дней синие знаки.

За изучением талмуда

Так долго продолжаться не могло. Мы, маленькие, стали замечать, что старшие ребята по окончании занятий уходили группами и о чем-то таинственно шептались. Любопытство нас заедало, но ничего мы не могли узнать. Но видно для более полного успеха необходимо было и наше участие. Как сейчас вижу перед собою нашего тогдашнего любимца Бейниса—сына кузнеца. Энергично жестикулируя, он нам доказывал, что с таким положением в хедере нужно покончить нам самим, так как родители ничего не предпринимают.

День начался как всегда. Помолившись «егове», приступили к занятиям. Этот день может быть прошел бы так же, спокойно, как и предыдущие, если бы Мулька не опоздал на целый час. На него обрушились такие удары, о силе которых мы могли судить только по раздававшимся в первый раз из уст Мульки стонам. Из кухни выбежала растрепанная супруга нашего «ребе». Проклиная во-всю своего мужа, она старалась вырвать у него несчастную жертву. А старик еще больше свирепел. Оттолкнув жену так, что она отлетела в противоположный угол, он принялся Мульку топтать ногами. Но тут произошло что-то необычное. На длинный стол, на котором до сих пор лежали только священные библии и толстые талмуды, вскочил Бейнис.

— Довольно! Дуй его, ребята,—заорал он не своим голосом.

Подготовленные раньше ребята не заставили себя ждать. Чернильницы, книги, ручки—все полетело в рыжего «ребе». Он стоял ошеломленный. Рыжая его борода в минуту превратилась от чернил в черную. Налетевшие ребята сбили его с ног. Груда талмудов закрыла его целиком. Поваленные столы, перевернутые скамейки, плач домочадцев «ребе», превратили эту «школу» в настоящий содом. Ребята осмелели, и наградили его еще пинками и толчками. Через пять минут в хедере никого не было. Все разбежались. И больше никто не возвратился к рыжему Боруху в хедер.

Прошло несколько лет. Советская власть крепко установилась в Западном крае. Декретом Советской власти хедеры были запрещены, но не искоренены. Хитрые «ребе» воспользовались этим постановлением и подняли вой, что Советская власть хочет уничтожить еврейскую религию. Обыватели попались на удочку, и многие дети еще долгое время жались «в подпольи» со своими талмудами, пока за них не взялась комсомольская организация. Упорно мы работали над созданием пионер-отряда, были безгранично рады, когда мы охватили за год больше 40 детей. А эти ребята в красных галстуках ходили к своим товарищам и убеждали их бросить хедер и поступить в открывшуюся общеобразовательную еврейскую школу. Родители протестовали, избивали своих непослушных детей, но ничего поделать не могли. Когда мой братишка об'явил матери, что поступает в школу, мать ахнула:

— Еще один «месумед» [1] на мою голову!

Недавно я получил от своего товарища письмо. Он пишет, что там теперь два пионер-отряда. В еврейской школе больше 100 ребятишек. Работает учком. Поговаривают даже о расширении школы.

---

[1] Ребе—учитель

[1] Месумед—еврейское слово, означающее—крещеный еврей, выкрест

Б. Ш.

ИЗУЧАЙТЕ АВИАЦИЮ

(Первые всесоюзные состязания летающих авио-моделей)

Летит... летит... сто метров... полтораста... села...

Сотни взволнованных лиц и напряженных глаз впиваются в красиво описывающую круг белую птицу — модель.

Это происходило в августе на Центральном аэродроме имени тов. Троцкого. Со всех концов СССР после губернских состязаний приехали ребята в Москву на I всесоюзное состязание летающих моделей самолетов, устроенное Авиахимом.

Всего принимали участие в состязаниях около 70 моделистов с 126 моделями всевозможных типов и систем. Большинство моделистов—пионеры и комсомольцы от 13 до 18 лет.

Несколько дней продолжались эти состязания. Не совсем повезло нашим моделистам—почти все время шел дождь и дул сильный ветер. Но иногда сквозь разорванные тучи, словно в дверь, пролезало солнце, и моделисты со всех ног мчались на аэродром, чтобы воспользоваться этим временем.

Долго возятся изобретатели над своими моделями, закручивая резино-моторы, осматривая, все ли в порядке. Наконец, модели взвиваются и, точно живые, описывают в воздухе круги, полукруги, то спускаясь почти к самой земле и, кажется, вот-вот сядут, то, подхваченные новой струей воздуха, опять быстро взвиваются высоко вверх. А их строители с замирающим сердцем мчались за ними и бережно поднимали, когда те плавно садились на землю.

126 моделей бережно, тщательно и любовно сделанных ребятами и привезенных из-за сотен и тысяч верст—это первое достижение I всесоюзных состязаний.

Среди них есть целый ряд очень интересных и оригинальных. Так, например, трехмоторная «утка». Она в начале полета работает только двумя моторами. Когда же они потратят свою энергию и останавливаются, начинает работать третий мотор.

Тов. Кирштейн (Тамбов), получивший 2-й приз

Четырнадцатилетний пионер из Новороссийска тоже отличился изобретением новой конструкции мотора, — он устроил на своей модели два резиномотора с одним винтом. Когда один мотор останавливается, тогда начинает работать второй и, благодаря этому, модель летает вдвое дольше.

Результаты состязания таковы:

1 приз—двухмоторная «утка» т. Шубина (Тула) пролетела 410 метров, продержавшись в воздухе 1 мин. 55 сек.

2 приз—одномоторная «утка» т. Кирштейна (Тамбов) пролетела 403 метра в 1 мин. 21 сек. Вне конкурса эта модель продержалась в воздухе 3 мин. 1 сек.

3 приз—модель т. Маргаритина (тоже из Тамбова) пролетела 367 метров, продержавшись в воздухе 1 мин. 6 сек.

Таким образом, наилучшими достижениями (рекордами) I всесоюзных состязаний являются:

дальность . . 410 метров,
время . . . . 1 мин. 55 сек.

Остальные модели пролетали от 150 до 300 метров.

Но не только отдельные ребята принимали участие в состязаниях. Выступил и целый ряд авиационных кружков моделистов. Приводим их достижения.

Из пионерских кружков первое место взяла Москва: Моноплан тов. Федотова (школа им. Радищева) пролетел 251 метр в 45 сек.

Модель Баранова (Центральный Дом Пионеров Хам. района) пролетела 223 метра в 41 сек.

Моноплан тов. Алексеева (клуб «Детский уголок») пролетел 171 метр в 50 сек.

Участвовали в состязаниях и крестьянские кружки. Первое место взяла модель моноплана т. Динрева из Юго-Осетии (Кавказ), пролетевшая 219 метров в 39 сек.

Радостные и довольные раз'езжались участники состязаний из Москвы. Они сумеют сделать из себя таких людей, о которых говорится:

Летчики, летчики,
Молодые летчики,—
Крепкие крылья
Коммуны мировой.

Надеемся, что в следующем году на 2 состязаниях примешь участие и ты, читатель «Пионера», со своей конструкцией летающей авио-модели.

Редакция «Пионера» ждет тебя.

СЛЕВА: За починкой модели. СПРАВА: Пионер Корнеев, получивший приз им. т. Рыкова. За ним (крайний)—председ. к-та состязаний С. С. Каменев.

В ВЕСЕЛЫЙ ПРАЗДНИК 12 МЮД'а

ВМЕСТЕ С 200.000

Утро... Еще только 8 ½ час., а по улицам Замоскворечья уже идут колонны демонстрантов, реют знамена, играют оркестры, далеко разносятся звуки революционных песен.

Под барабанный бой и звуки горна проходят отряды юных пионеров с плакатами: «Смена смене идет». За ними идет рабочая молодежь фабрик и заводов, ребята из детских домов и т. п. Всюду автомобили катают октябрят и маленьких ребят. Они перекликаются с проходящими колоннами.

— Да здравствует наша смена!—несется из повстречавшего такой автомобиль отряда пионеров.

— Ур-р-а-а-а!—кричат изо всей силы октябрята и махают красными флажками.

Серпуховская площадь. Со всех прилегающих улиц вливаются людские колонны. Не площадь, а море с парусами-плакатами и знаменами.

Наконец, демонстрация тронулась. Загудели оркестры, звонко понеслись песни, и глухой топот потрясал улицы.

Итти до Красной площади пришлось долго, с частыми остановками.

Скоро Красная. Ряды демонстрантов подтягиваются и подстраиваются. Повсюду слышится:

— Стройся!

— Идите в ногу!

Красная площадь. Проходим мимо мавзолея со склоненными знаменами. Долго задерживаться на Красной площади нельзя—надо освободить место тысячам других колонн и отрядов.

А вечером в клуб. Там торжественное заседание. Так ярко и хорошо прошел день 12 МЮД'а.

Москва, Замрайон — Деткор **С. Будревич**

В ВЕСЕЛЫЙ ПРАЗДНИК МЮД'а

К площади «Свободы» тянется длинная, длинная демонстрация. Гремит оркестр... Алеют знамена, косынки, галстуки, пестреют спортсменские майки. Сияет солнце... сияют лица...

Несется песня:

«Ай да комсомольцы,
Ай да, пионеры,
Браво! Браво!
Ай да молодцы!

Выкрикивают лозунги ребята, их глаза сверкают. Блестит бронзовая кожа.

— Да здравствует 12 МЮД! Ура-а-а!

И вслед эхом пронеслось:

— Ура-а-а-а!

Вот и площадь. Приветствия... Музыка... Салют. Сосчитай, сколько рук поднялось. Нет, сосчитать нельзя. Смена смене идет. С трибун призывают молодежь сомкнуть свои ряды, крепить нерушимый союз рабочих и крестьян—выполнять заветы Владимира Ильича. В ответ на это хочет вырваться из нашей коллективной груди громкое «всегда готовы».

По окончании митинга демонстрация направилась к окружному исполкому, где снова прозвучали громкие голоса партийцев. Незаметно настал вечер. Появились факелы. Смех... шум... крики—все слилось в одно. Беспрерывно раздаются лозунги:

— За стальное единство партии Ленина!

— Ура-а-а-а!

— Молодежь, укрепляй кооперацию!

— Ура-а-а!

Двинулись дальше. Снова приветствия, гремит музыка... Замелькали... закружились летучки в воздухе...

Все руки вверх поднялись...

— Лови! Лови!

— Есть.

— Читай скорей.

— Не поймал!

Наконец, все восторженные, с пылающимися лицами разошлись по домам...

Херсон погрузился в сон...

Г. Херсон — Деткор Октябрина **Лучковская**

ПИОНЕРСКАЯ СМЕНА

КАК МЫ—ОКТЯБРЯТА, ПРОВЕЛИ ДЕТНЕДЕЛЮ

Перед Детской Неделей мы собирались почти каждый день для подготовки к ней.

Сначала мы хотели поставить пьесу. Искали, искали, прямо с ног сбились, а подходящей пьесы не нашли. Стали разучивать вольные движения, две пирамиды и коллективную декламацию.

Потом вожатая нам сказала, что мы пойдем на пионерский утренник в «Дом Печати», и мы все очень обрадовались. Наступил день утренника. Мы помчались в «Дом Печати» и заняли в зале первые места. Перед началом утренника мы пели песни и кричали лозунги.

Потом пришли пионеры из разных отрядов и после доклада начали представлять. Особенно нам понравилась живая газета. Там было много смешных номеров, например, какие книжки должен читать пионер. Плохо только то, что про октябрят забыли и ничего не показали. Нехорошо.

Когда все кончилось, все ребята вышли на улицу, зажгли факелы и с песнями и лозунгами пошли по улицам. Мы шли вместе и нам тоже дели факелы. Дойдя до Страстной площади, вожатая нам сказала, что надо итти спать. Как нам ни хотелось остаться, а пришлось итти. Пионеры нам кричали разные приветствия, а мы им отвечали.

Домой итти было немного страшно. Львов и тигров мы не боялись, но было темно, и некоторые ребята боялись, что из-за угла кто-нибудь выскочит. Дошли благополучно.

На другой день мы собрались к 10 часам утра и пошли на площадку Профинтерна. Там было много отрядов—всего больше 2.000 ребят. Сначала все собирались в саду, а потом пошли на стадион и маршировали под музыку. Мы тоже шли и, кажется, хорошо.

Очень понравились всем ребятам модели аэропланов, которые пускали ребята. Очень красиво летали они. Некоторые модели то высоко поднимались, то опять спускались низко.

Потом мы выступали. Когда мы сошли со сцены, то нам все ребята сказали, что мы очень хорошо выступали, и это нам было приятно. Мы этим днем остались очень довольны. На демонстрацию мы не ходили, а катались на автомобиле. Когда мы пришли, то автомобиль еще не приехал, и мы начали играть и смеяться. На автомобиле мы покатались совсем немножко, так как пришли пионеры и забрали у нас автомобиль. Мы пошли домой недовольные.

Так прошла наша Детнеделя.

Москва, Красная Пресня — Октябрята **55 отряда**

НАШИ ОКТЯБРЯТА—МОЛОДЦЫ

Еще зимой мы решили организовать группу октябрят. Решено—сделано. Октябрята работали хорошо. Но вот наступила весна, а за ней и лето, и группа распалась. Все пионеры были заняты на полевых работах и не обращали особого внимания на свою смену. Ну, смена, конечно, и исчезла с лица земли.

Наступила шестая Международная Детнеделя. Ребята задумались об октябрятах. Вспомнили, как комсомольцы выбросили лозунг: «на каждого комсомольца—пионер». Решили добиться того, чтобы на каждого пионера был октябренок. И к МДН добились. Теперь у нас октябрят столько же, сколько и пионеров.

У всех октябрят на груди красные звездочки, и они очень дорожат ими.

Недавно на одного октябренка напали Неорганизованные, отняли у него звездочку и порвали ее. Но пионеры раз'яснили неорганизованным, что так делать нельзя, и теперь октябрята и неорганизованные живут в. дружбе.

Мы думаем, что наш отряд сумеет выковать из своих октябрят крепкую смену.

Деткор **В. Валухов**

Сл. Б. Троицкая Белгор. у.

ПЕТЬКИНА ФИЗКУЛЬТУРА

1

Солнце в луже отражается
Чем я хуже?
Петька с солнцем умывается
В одной луже.
Ходит Петька—солнцу брат—
С грязной рожею в отряд.

НАША ЖИЗНЬ

ВОСЕМЬ ДНЕЙ НА ВОЛГЕ

8 часов утра. С разных концов города собираются к райкому пионеры. В руках у каждого узел, мешок или корзина с необходимыми вещами.

Наконец, набралось 39 ребят и 4 вожатых—это пионеры, выделенные из отрядов в экскурсию по Волге.

Построились.

— Шагом марш!—командует руководитель экскурсии. Следом за пионерами двигается нагруженная доверху телега.

Вокзал. Весело погрузились в вагоны. Паровоз издал пронзительный свист и мы тронулись. По дороге все внимательно слушали рассказ руководителя о том, куда мы едем.

Наконец, вдали показалась Сызрань.

— Вот и Сызрань. А кто скажет, сколько мы времени ехали от Пензы до Сызрани?—задает вопрос один из ребят.

— Ровно 12 часов,—откликается другой.

За разговором дошли незаметно к пионерскому клубу, где нам дали комнату.

Утром, после чая, пионеры разбрелись группками по городу: одни пошли на пристань, которая находится в нескольких верстах от города, другие на базар, по улицам и т. п.

Вечером все собрались, и начались веселые рассказы о виденном.

На другой день мы должны были сесть на пароход. Пришли на пристань, а парохода нет, как нет. Решили в ожидании парохода искупаться.

Только вылезли из воды, видим медленно приближающийся большой пассажирский пароход.

Некоторые ребята разочаровались.

— Ну, и пароход,—говорили они,—я думал, что он идет быстро, а он ползет, как рак. Эдак мы и в неделю не доедем до Нижнего.

Но ничего не поделаешь—пришлось с этим примириться. Вошли на пароход. Три свистка, и пристань стала медленно отдаляться, наконец, скрылась за берегами. Кругом расстилалось широкое водное пространство, и были видны гористые и покрытые лесами берега.

Пристани встречаются часто. Все пионеры толпятся на палубе и жадно поедают глазами все интересное и красивое.

Вдали показываются блестящие огни.

— Самара! Самара!—кричат радостно ребята.

К нам медленно приближается большая освещенная пристань. Около нее много пароходов, тоже ярко освещенных.

Из-за темноты город осмотреть не удалось, и мы поневоле ограничились осмотром набережной.

Ночью прошли половину Жигулей. Утром, взглянув на берега, мы немного опечалились, что не видели самых красивых и высоких гор. Проспали Жигули.

Но ребята быстро примирились с этой неудачей. Все время попадаются горы пристани, пароходы, селения—успевай только смотреть...

К вечеру прошли под Ульяновским мостом и пристали к пристани Ульяновска.

— Вот этот мост, который мы сейчас проехали,—об'ясняет один пассажир,—самый длинный в СССР—длина его полтора километра.

Через день были в Казани. Здесь посмотрели только берег и пристань, так как до города было далеко. К утру уже прошли больше ста верст от Казани.

— Завтра будем в Нижнем,—говорят матросы пионерам.

Наконец, Нижний-Новгород. Сходим с парохода, кладем вещи на телегу и отправляемся в одну из школ, с которой мы договорились о ночевке.

Утром проснулись рано. До чая немного поиграли, а потом пошли осматривать ярмарку.

— Здесь уж мы посмотрим!—говорили ребята.—Всю ярмарку исходим.

Так оно и вышло. С самого утра ушли на ярмарку и только в 4 часа стали понемногу собираться к обеду, а некоторых даже искать пришлось по ярмарке.

Когда все собрались, каждый стал рассказывать и показывать, что он видел и что купил.

У многих на голове оказалась обновка—красные расшитые шлычки.

—Это будет память о ярмарке и Волге,—говорили ребята, показывая на шлычки.

У других в руках всевозможные игрушки, купленные для младших братьев и сестер. У третьих—любителей покушать - орехи и пряники.

Видели ребята на ярмарке представителей многих народов, о которых раньше даже не слыхали. Некоторые побывали в зверинце.

После обеда стали собираться обратно в Пензу. А вечером, из окон вагонов прощались с провожающими нас.

— Прощай, Волга. Прощай, Нижний...

Едем, колеса стучат. Быстро мелькают виды.

— Завтра будем дома. 8 дней прошли незаметно,—вспоминают грустно ребята.

Наконец, замелькали знакомые станции. Из-за бугра показались кучки огней—это окраина города и станция.

Деткор **А. Василенко**

Г. Пенза, 1 отр. 2 района

2

У Петьки натура
Очень грозная,
Нравится ему физкультура
Только серьезная.
Деда с печки стащил и вот—
Упражняется в дедов живот.

В МДН ПОМОГЛИ ДЕТЯМ ЗАПАДА

Еще раннее утро, а пионеры уже суетятся у своего клуба. Сегодня праздник Международной Детской Недели, а клуб еще не готов. Торопливо кончают ребята украшения.

Вот мчится редколлегия с только что испеченным стенгазом. Быстро вешают его на стену, и ребята уже толпятся у нее и обмениваются замечаниями и шутками.

Наконец, все готово. Уже 12 часов, и барабан сзывает пионеров. Быстро собираются ребята, и начинается парад в честь шестой МДН.

Не одни пионеры принимают участие в параде, рядом с ними и пионерская смена—октябрята, и будущие пионеры—пока еще неогранизованная деревенская детвора.

Парад кончен. Пионеры устраивают вместе с неорганизованными массовые игры. Шум, веселые крики, беготня.

В 8 час. торжественный вечер трех поколений. Сначала, как полагается, приветствия, доклады. Потом вышел вожатый и начал вызывать присутствующих жертвовать в пользу детей английских горняков. Это всем понравилось, и в вызовах активное участие приняли не только пионеры, но и комсомольцы, неорганизованные ребята и др.

Всю МДН наши пионеры ходили с кружками и собирали деньги для детей Запада.

Благодаря тому, что МДН прошла организованно и весело, мы привлекли в свои ряды много новых ребят.

Деткор **В. Валухов**

Сл. Б. Троицкая, Белгор. у.

Что читать к Октябрю

«**ПИОНЕРАМ ОБ ОКТЯБРЕ**». Составил Разин, И. Под ред. Ц.Б. пионеров. Издательство «Молодая Гвардия», 1925 г. 213 стр., ц. 1 р.

Самая нужная рабочая книга для подготовки к Октябрю. В книге самый разнообразный материал: статьи, об'ясняющие значение Октябрьского переворота, история его, воспоминания участников, рассказы об участии детей в революционной борьбе, живые газеты, инсценировки, стихотворения, игры, список книг об Октябре.

Хороша книга и тем, что в ней даны подробные указания, как организовать работу по подготовке, как ставить инсценировки, как выпустить живую газету.

Не все в сборнике достаточно просто, в некоторых случаях потребуется помощь вожатого.

Эта книга может заменить целый ряд других, нужных к Октябрю, поэтому ее должен приобрести каждый отряд.

Жаль только, что печать очень мелкая.

КОВАЛЕНСКИЙ. «**Вчера и завтра**». Как и откуда взялась новая Красная Россия. Госиздат, 1925 г. 151 стр., ц. 1 руб.

Рассказано про то, как жилось крестьянам в неволе, под властью помещиков, и рабочим—под властью капиталистов, как началось революционное движение, как произошла мировая война и Октябрьская революция.

Эта книжка знакома большинству ребят, но ее стоит перечитать лишний раз перед Октябрьскими днями. Прочтя ее, поймешь, что Октябрьский переворот не с неба свалился, что к нему вела вся русская история. Заслуга же большевиков в том, что они поняли это, и в нужный опасный момент не побоялись взять власть в свои руки.

Написана книжка очень интересно и просто. Есть стихи, много картинок.

Можно читать с 11 лет.

Кое-что можно прочесть октябрятам.

КРАВЧЕНКО. «**В борьбе за лучшую жизнь**». Простые рассказы о том, как рабочие и крестьяне завоевали свободу. Госиздат, 1924 г. 76 стр., ц. 40 коп.

Эту книжку автор составил из своих бесед с подростками. В ней очень просто и ясно рассказано о капиталистическом строе, о том, что такое социализм и коммунизм, как его добиться, как раньше подымались против правительства русские рабочие и крестьяне, как образовалась коммунистическая партия и как она помогла рабочим взять власть в свои руки.

Есть диаграммы, рисунки из истории революционного движения.

НАКОПИЛИ ЗДОРОВЬЯ ДЛЯ ЗИМНЕЙ РАБОТЫ

В пионерском клубе давно уже пусто... Пионеры НКПС (Народный Комиссариат Путей Сообщения) перешли на летнюю работу на площадке. Каждому хочется окунуться в свежесть летней работы... У всех в голове: физкультура, солнечные ванны, душ... А дальше—заманчивая перспектива: жизнь вместе, коллективный отдых и в то же время спайка и оздоровление. Нашему отряду посчастливилось. Ребята, что называется, «на десятом небе». Каждый рад, рады все вместе, покинуть Москву и уехать туда, где цветут кипарисы, виноградники—к морю, в Крым.

———

За несколько дней до от'езда у каждого в семье готовятся. Родителям было об'явлено на собрании, что нужно закупить для ребят. Каждый торопится сдать вещи к сроку, ничего не забыть, сделать все, о чем говорил вожатый.

Наступает день от'езда. К семи часам утра 15 июля площадка наполняется пионерами, родными, представителями от учреждений, ячеек партии и комсомола. Всем ясно—оздоровление прежде всего.

Вожатый командует. Строятся, и более сотни радостных лиц в белых блузах зашагали к Курскому вокзалу, прощаясь с площадкой, с душной, пыльной Москвой. А на вокзале, дождавшись посадки в вагон, мы распростились с родными и с веселой песней от'ехали от Москвы. И, как бы в ответ уходящим назад огонькам, эхом раздалось: «Наш паровоз летит вперед».

———

По дороге видели много красивых мест. То, что раньше знали по книжкам, теперь увидели своими глазами. Вот поезд в'ехал в Орловскую губернию. Потянулись бедные хаты крестьян с соломенными крышами. Ближе к Украине чувствуется совсем другая природа. Земля становится чернее. Поражая своей белизной, вырисовываются украинские хаты, окруженные серебристыми тополями. В вагоне весело. Звонкая пионерская песня, громкий смех, разговоры—все это уже спаяло ребят. Отдохнув за ночь, каждый старается высунуться из окна, заранее сняв галстук, чтобы машинист не принял его красный цвет за знак опасности.

Вот проехали Украину. Впереди показался Крымский перешеек. Это место знает каждый из пионеров, знает что здесь во главе с Фрунзе красные отвоевали Перекоп. Каждому вспоминается «Красная кавалерия». Но вот вдалеке показались горы, а через некоторое время поезд в'ехал в горную местность. Проехав Симферополь и еще несколько станций, поезд миновал долгожданные туннели, и вдали показался Севастополь и Черноморская бухта. Спустя час, мы зашагали по улицам Севастополя.

———

В городе остановились в центральном пионерском клубе на улице Ленина. Первое, о чем мечтали ребята, выкупаться в море. Пошли. По дороге знакомились с городом, памятниками, улицами. Подходим к морю.

— Ну, разве это море? Это простой залив.

— А вода-то соленая.

И со смехом ребята, раздеваясь, рассыпались по берегу. Каждый старается попробовать—соленая ли вода. И узнав, что соленая, закрывают рот, чтобы не, захлебнуться. Купание окончено. Идем ужинать. А потом сон, чтобы, отдохнув, на утро сесть на пароход и уехать на место нашей колонии—в Алупку Сару.

———

Пароход, на котором мы ехали, назывался «Феодосия». На море были небольшие волны, поэтому, выехав из бухты в открытое море, почти всех с непривычки укачало.

———

Пароход вышел в открытое море: справа сливалась вода с небом. Там были видны маленькими точками пароходы. Слева тянулись берегом бесконечные горы, то поднимаясь, то опускаясь скалами к морю. Иногда мы замечали, как из воды выпрыгивали черные дельфины.

В горах виднелись белые дома, расположенные у самого берега и выше к вершинам. Вечером увидели Симеиз, а за ним и Алупку. Пароход остановился недалеко от берега, и мы с песней «По морям, по волнам» покатили на лодках к пристани.

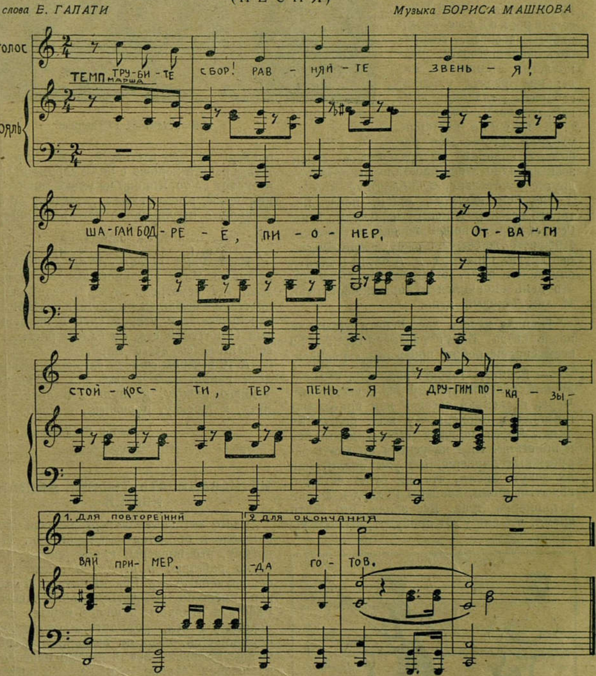
———

Алупка представляет гористую местность. Лежит она у подножья большого хребта—Ай-Петри. По берегу моря купаются с утра до вечера тысячи людей. Здесь есть приехавшие из Москвы и других

Трубите сбор!

(ПЕСНЯ)

слова Е. ГАЛАТИ — *Музыка БОРИСА МАШКОВА*

Трубите сбор, равняйте звенья!
Шагай бодрее, пионер!
Отваги, стойкости, терпенья
Другим показывай пример!

Иди спокойно за вожатым,
Приказы исполняй без слов.
Пусть знают—пролетариату
Ты послужить всегда готов!

Отряд одним желанием сплочен:
Его готовность горяча,—
Служить крестьянам и рабочим,
Служить заветам Ильича.

Иди же бодрыми шагами,
Не бойся никаких трудов.
Пусть знают все, что наше знамя
Ты защищать всегда готов!

городов на отдых рабочие и служащие. Есть и просто приезжающие в Крым накопить жирок, но таких мало.

Мы поселились на даче НКПС, находящейся недалеко от берега. В нижнем этаже расположились ребята, в верхнем — девчата. День проводили так: встав в 8 часов, шли на десятиминутную физкультурную зарядку, умывались и пили чай или молоко. Потом было свободное время. Затем шли купаться. Купание было самым любимым нашим занятием. Пролежав под солнцем на пляже несколько десятков минут, мы лезли в воду. Потом принимали воздушную ванну и, отдохнув немного, шли обедать. Обед состоял из трех блюд. Кормили всегда хорошо. После обеда наступал 2-часовой «мертвый час». После отдыха—чай. Затем приходило время работы звеньев, собиралась живая газета, редколлегия стенгазеты, маленькие ребята уходили собирать коллекции камней, раковин, бабочек и т. д. Ребята постарше уходили в горы. Вся работа в колонии распределялась среди звеньев: одно звено работало в санитарке, другое в читальне, в библиотеке и т. д.

Вечером наступал ужин, после которого все шли к костру на беседу. Темы беседы были: о нашей жизни, об истории Крыма, о жизни пионеров и комсомольцев других стран и т. д. А часам к десяти спускался флаг, этим самым об'являя, что день окончился и пора на боковую. И так каждый день.

Прошло недели две. Ребята отдыхали после обеда. Вдруг раздался горн, и из всех спален ребята побежали строиться.

— Ребята,—говорил вожатый,—мы получили телефонограмму из Севастополя. Через несколько часов к нам приезжают германские пионеры,—у всех радостные лица. Через полчаса строем двигаемся к пристани. Еще не успели приехать зарубежные пионеры, мы уже знали, как их зовут, знали, что их будет четверо: вожатый Фриц, пионеры Рихард и Вилли и пионерка Эрна. Все знали, что за то время, что они у нас пробудут, мы должны их познакомить с нашей жизнью и в то же время узнать у них, как живут и работают пионеры в Германии. Задача ясная—мы ее выполнили за остальные две недели. Немецкие пионеры пробыли у нас 12 дней. За это время они провели у нас беседы об их жизни в Германии, о том как живут германские комсомольцы и т. д. Мы им рассказали, как работают наши пионеры и, в частности, наш отряд. Наши ребята хорошо с ними сдружились, несмотря на то, что они не умели говорить по-русски. Когда уезжали, каждому было жалко, что мы так мало пожили с ними.

Узбекистанские школьники

Из Алупки 17 августа мы двинулись пешком к Ялте. По дороге зашли в Ливадию, где осмотрели музей и санаторий крестьян в бывш. дворце Романова. В Ялте переночевали и отправились в знаменитый Никитский сад, где видели растения, собранные со всего мира.

А 19 вечером со всем багажом, загорелые, накопившие новых сил на новую зимнюю работу, двинулись в обратный путь, в Москву, к родным, в клуб.

Дектор **Як Эбериль**

Отряды ю. п. НКПС Баум. р.

3

Петькиным кулакам
Нагрузка зверская,
Трещит по швам
Работа пионерская.
Потому, что трещат бока
От Петькиного кулака.

НЕ НАВАЛИВАТЬ ТЫСЯЧИ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Часто активные пионеры не успевают в школе и остаются на второй год. Это потому, что пионеры, кроме школы, активно работают в отряде и имеют там большую нагрузку. Всякий активный пионер имеет по три—четыре обязанности. Работа в отряде и в школе мешает ему хорошо учиться, кроме того, имея столько обязанностей, он их не выполняет, а свободное от школы время пионер проводит на сборах отряда или на заседаниях комиссий.

В прошлом году, в 23 школе, в Одессе, Свердловский район решил бороться с таким положением. Для этого на форпосте школы ставили отчеты успевающих и неуспевающих учеников. Успевающий рассказывает, как он проводит время до и после школы, как он работает в отряде и мешает ли ему отряд учиться. Неуспевающий ученик старается всю вину свалить на то, что он имеет много обязанностей в школе и в отряде, что у него нехватает времени, чтобы хорошо учиться.

Ученики, которые знают этого товарища, высказываются, действительно ли он так поступает, как говорит в отчете.

Я предлагаю и теперь, как только начнутся зачеты, ставить отчеты ребят на форпосте. Протокол отчетов посылать в отряд и, если пионер не успевает, сообщить в отряд, чтобы его разгрузили в отряде.

Тогда пионеры не будут сваливать неуспеваемость на перегруженность в отряде и школе.

Дектор **Гринберг**

Одесса

КАК Я ВОВЛЕК В ПИОНЕРЫ НЕОРГАНИЗОВАННОГО

На нашем дворе было много ребят, но я никак не мог с ними подружиться. А очень мне хотелось одного из них вовлечь в пионеры. Долго мне это не удавалось, наконец, представился случай.

Началось это так — один раз все домашние ушли ночью, часов в 12, встречать отца с поезда, и, чтобы я не заснул, мать позвала ко мне соседнего мальчишку.

Вначале мы сидели молча, но потом я предложил ему сыграть партию в шашки. Игрок он был плохой, и я разбил его в пух и прах. Сначала он разозлился, но потом говорит мне:

— Расскажи мне что-нибудь о лагере и пионерах»

За моими рассказами время прошло незаметно до прихода наших. С этого дня я познакомился и стал играть с ним в чижик, клек, рассказывать о кино-картинах, прочитанных книжках и т. п.

На нашей улице этот парнишка был первым драчуном, учился он плохо, так как школа ему не нравилась.

Недавно, после игры в клек, навадивши друг друга, начали рассказывать про недавно виденные в кино картины.

Потом он вопрос задает:

— А есть ли в других странах пионеры?

Не докончив рассказа о картине, начал я ему отвечать на вопросы. И решил он вступить в наш отряд. Я ему об'яснил и теперь он пионер и активно работает в отряде.

Деткоры **Д. Т.** и **Т. К.**

Гор. Оренбург.

4

Петьке за физкультуру
награда:

Вылет на простор из
отряда,

Занимайся, Петушок,
сам с собой,

Избивай булыжники
на мостовой.

Булыжников нам хоть жалко,
да не так.

Пусть страдает глупый
Петькин кулак.

Мастер на все руки

КАК РЕМОНТИРОВАТЬ КЛУБНУЮ КОМНАТУ

(Окончание со 2-й стр. обложки)

Состав грунтовки таков. Малярный клей размачивают в воде и затем растапливают на огне. Следят, чтобы он не подгорел. Клей разводят в ведре горячей воды и кладут туда мелко наструганного мыла от 100 до 200 грамм, в зависимости от качества клея, и когда мыло растворилось, всыпают туда 400 грамм медного купороса. После этого жидкость принимает красивый зеленый цвет, поэтому ее называют травянкой.

Половину этой жидкости разбавляют водой до $^3/_4$ ведра, разбалтывают в ней $1^1/_4$ килогр. мела и ею грунтуют потолок и стены.

Заметьте, что каждый новый слой побелки можно класть только тогда, когда предыдущий вполне высох. Грунтовку и побелку удобно наносить кистью щетинной или мочальной (в крайности).

Для побелки мел предварительно отмучивают. Берут 4 кг. мела, кладут в небольшой боченок или банку, разбалтывают водой до густоты густых сливок, снимают сверху грязь и, дав постоять 5—10 минут, сливают в ведро чистую и густую верхушку. Для стен в нее прибавляют клеевого грунта больше, а потолок белят с прибавкой малого количества синьки, предварительно разболтанной в воде, для белизны.

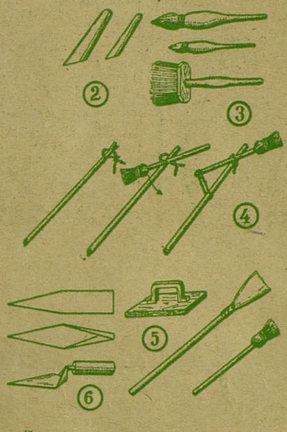
При побелке потолка кистью водят по направлению к окнам, иначе будут заметны штрихи, и потолок будет казаться неровным, а стены белят вертикальными штрихами. Побелка не должна быть густа и ее следует равномерно растирать кистью. Стены белят побелкой до одной трети высоты стены. (См. рис. 1, общий вид комнаты).

Стена комнаты, противоположная входу, имеет на высоте роста человека место для помещения картин, гравюр, вырезок и фотографий, окаймленное деревянными штабиками (планочками) полукруглого сечения, сделанными из дюймовой доски или ящичного дерева. Эти штабики прижимают края фанеры, которой обивают всю эту полосу стены. Фанеру для этого удобно брать от папиросных и других ящиков.

Такие же штабики, прибитые в вертикальном направлении, разделяют полосу стены обитую фанерой на отдельные прямоугольники, число и расположение которых зависит от ширины простенков.

Штабики проходят морилкой (протравой, под ореховое дерево), а затем олифой. Морилку покупают в москательной лавке. Она имеет вид глянцевитых темно-коричневых кусков и употребляется в дело растворенной в теплой воде. Получается темный тон, когда раствор гуще, а когда желателен тон светлого ореха—воды берут больше. Фанеру чистят шкуркой и оставляют в натуральном цвете и некрашеной. Всю эту часть отделки производят, когда стены совершенно готовы.

Высота рамок от пола должна находиться на высоте глаз. Ширина полосы фанеры, идущая вокруг трех стен комнаты, должна быть 50 см. Из этой ширины 5 см. пойдет под штабики (2×2,5 см.). Часть стены от конца побелки до линии рамки следует покрыть цветной клеевой краской (колером). В побелку вы прибавляете разболтанной в воде зеленой и красной краски до тех пор, пока не получится приятный для глаза, мягкий, серый тон. (Конечно, после высыхания; проба на загрунтованном картоне). В колер прибавляют еще травянки.

Покрыв этим колером полосу стены над рамкой, стене дают высохнуть и приступают в росписи ее по шаблону.

Прежде всего нужно сделать шаблон бордюра для того, чтобы сделать полоску по линии соединения побелки и серого тона.

Берут плотную бумагу, наприм., рисовальную, отрезают от нее полоску в 8 см. шириной и в 50 см. длин., рисуют на ней орнаментальный мотив, шириной не более 3 см. и, положив на стекло, прорезают ножом. При этом следят, чтобы оставались перемычки для укрепления внутренних частей узора, если узор сложный. Мотив простого бордюра дан на рис. 7.

Когда шаблон вырезан, его пропитывают олифой (вареным маслом) и дают высохнуть. Шаблон для стены можно сделать по оригинальному рисунку или заимствовать. Найдя обрывок подходящих обоев, натирают обратную сторону мелом или сажей и переводят узор на бумагу, затем вырезают, как было описано выше. Бордюрный шаблон накладывают по шнурку. Для правильности повторения узора вы должны накладывать шаблон началом на соответственное место только что сделанного на стене узора.

Шаблонирование производится кистью с коротким волосом (или специально связанной мочальной кистью). По серому фону красиво выделяется светло-оранжевый рисунок или синий.

Более живые и многоцветные рисунки на стенах и фигурная роспись стен хороши для зал, где проходят игры, собрания и проч.

Ниже рамки стены кроют темно-синей краской. В ту же серую краску прибавляют разведенной в воде синьки и сажи и снова приливают клеевого раствора. Чтобы побелка не пачкала, в нее прибавляют клейстер, сваренный из пшеничной мягкой муки (поспа). На ведро воды надо 600 гр. муки. Вам нужно на среднюю комнату всего $^1/_4$ ведра поспы. Разболтайте сначала 150 гр. муки в одной трети всей воды; эта вода должна быть холодная; остальную воду закипятите, влейте в нее разболтанную в воде муку и дайте хорошо прокипеть, все время мешая клейстер палкой.

Красивой отделкой нижней части стен может быть рогожа. Хорошей ровной рогожей затягивают стены, начиная от места назначения для рамок. Ее края пойдут вверху под фанеру, а внизу должны быть прижаты особым штабиком в 3 см. шириной из доски в 1,5 см. толщиной.

Рогожа может быть предварительно окрашена раствором анилиновой краски с прибавкой раствора клея и мыла. По укреплении на место, покрытая олифой, такая рогожа очень прочна и имеет великолепный вид. С той же целью могут быть употреблены цыновки, сотканные из широких сосновых стружек.

Итак, после того, как малярные работы окончены, накрепляют фанеру, обивают ее штабиками и разделяют полосу вертикальными штабиками на отдельные поля по линиям стыка отдельных кусков фанеры.

ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕЛОЧИ

Как и чем мыть грязные руки

Прежде всего надо знать, чем руки испачканы. Если в глине, песке, извести, меле, то мыть надо только водой. Если в жирных веществах—масле, керосине, сале—смыть с мылом, в последнем случае в теплой воде. Если в смоле, канифоле, масляной краске, асфальтовом лаке, то, прежде чем мыть в теплой воде с мылом, руки следует протереть ваткой, напитанной скипидаром, смазочным маслом или вазелином. Намылив затем слегка руки, посыпать порошком пемзы или толченого песка. Руки, испачканные в спиртовом лаке, в шеллаке, мыть ваткой с древесным спиртом, ацетоном или ксилолом. Последний также хорошо растворяет старую засохшую масляную краску и не огнеопасен, как эфир или бензин.

Отверстия в стекле

Иногда нужно сделать отверстие в стекле. Маленькие, до 5 мм. отверстия в стекле делают обыкновенным перочным сильно закаленным сверлом, смазывая его насыщенным раствором камфоры в скипидаре.

Большие отверстия до 2—3 см, делают так: берут горсть мелкого речного песка, слегка смачивают и кладут на стекло. Круглым предметом с ровно срезанным концом делают в кучке песка углубление, доходящее до самого стекла. Затем в полученное углубление вливают расплавленный припой (третник) для тонких стекол и свинец для толстых. Стекло в том месте, где вылит сплав, выкрашивается.

Края дыры можно опилить, работая под водой мелкозубым круглым напильником.

Мазь для смягчения обуви

Мыла 1 часть распускают в 10 частях теплой воды и к полученному раствору прибавляют 1 часть глицерина и 5 частей касторового масла (или оливкового, но не льняного или подсолнечного).

Мазь наносится на влажную обувь и в очень тонком слое при помощи кусочка мягкой тряпки.

Для юхтовой кожи в предыдущий состав прибавляют 5 частей березового дегтя.

Клей для склеивания стекла

Стекло прекрасно склеивается столярным клеем, особенно, если склеиваемые поверхности предварительно матированы наждачной бумагой. Несколько капель глицерина предохраняют склейку от отслаивания даже в самом сухом воздухе.

Физические приборы из плоско-параллельного стекла склеивают канадским бальзамом, предварительно прошлифовав склеиваемые поверхности.

РЕБЯТА! ПРИСЫЛАЙТЕ В РЕДАКЦИЮ ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИЗ ОПЫТА СВОЕЙ РАБОТЫ

КО ВСЕМ ДЕТКОРАМ

Редакция просит всех деткоров, присылающих стихи, заметки, рассказы, вопросы, обязательно сообщать свой точный адрес на заметках.

Для того, чтобы письма доходили скорее и чтобы облегчить работу почтовым служащим, Московский почтамт решил, чтобы к адресу прибавляли номер того почтового отделения, в районе которого находится получатель письма.

Поэтому пишите в «ПИОНЕР» по адресу: Москва, центр, Новая пл., д. 6/8.

Цена 20 коп.

№ 85. Задача

(Э. Пинхасова, Дербент)

Пионеры, крепите интернациональную связь

Что здесь написано?

№ 86. Ребус

(С. Шацкова, Астрахань)

№ 87. Задача букв

(Б. Макарова, Шполянский сах. завод)

Задумано слово. Если от него отнять 1-ю букву, то получим приморский город, если отнимем 2-ю букву, то получим качество предмета, если отнимем 1-ю и 4-ю букву, то получится то, что часто появляется на теле при работе, если отнять 2-ю и 5-ю буквы—получится враг чистоты и, наконец, если отнять 1-ю 4-ю и 5-ю буквы—получим название реки. Какое слово задумано?

№ 88. Шарада

(Н. Н. С.)

Начало—борется с водой;
Второе—стих поэтов старых;
Часть **третья**—букву коль долой—
И сказка—страх ребяток малых...
Четвертая—писатель: он—
Чужой, но нами схоронен,
Писал тогда, когда заря
Лишь разгоралась «Октября».
(Вы букву в слове переставьте)
А на конце—себя поставьте...
Ответ—тот славный коллектив,
Что к вам исполнен добрым чувством,
Чьи цели—планы оценив,
Идете к знанию, к искусству.

№ 89. Задача букв

(В. Сюзева, Усолье)

Задуманы слова:

1) Обитатель рек, 2) тот, кого теперь нет в СССР, 3) мера поверхности, 4) хлебный злак, 5) электрическая единица, 6) междометие.

К найденным словам прибавить по букве таким образом, чтобы получились новые слова: 1) род мужского костюма, 2) национальность, 3) геометрическое тело, 4) цветок, 5) рыба, 6) шахматная фигура.

Вновь вставленные буквы при чтении сверху вниз должны дать название нашего врага.

№ 90. Логогриф

(Макарова)

Вот перед вами изба:
Войдешь, найдешь с «И»
Будет названье реки
Если заменишь «И»—«А»
С «О» скотина съест,
С «Я»—мальчик есть.

№ 91. Шарада

(В. Дреминой и Е. Егоровой)

Мой **первый** слог—местоименье,
Второй—azжная болезнь,
А **целое**, коль знать хотите—
На пароходах поищите.

№ 92. Таинственное письмо

(Л. Андреева, Москва)

На-днях мы получили таинственное письмо с какими-то странными знаками. Долго мы его разбирали, но прочитать так и не могли. Ребята, помогите нам разобрать, что здесь написано.

ЭЙ ПИОНЕР ДАЙ ПРИМЕР
КРАСНЫЙ ГАЛСТУК НЕ НАПРАСНО
НА ТВОЕЙ ГРУДИ
ПОМНИ ЛЕНИНА ЗАВЕТЫ
И ВПЕРЕД ИДИ

№ 93. Задача букв

(В. Бархатова, Мещевск).

Даны буквы: 1а, 2г, 1е, 2и, 1к, 3л, 1м, 2н, 3о, 1п, 1р, 1т, 2у, 1ш, 1б.

Из этих букв предлагается составить слова по 4 буквы каждое, за исключением одного, которое должно быть из 3 букв. Найденные слова расположить в таком порядке, чтобы первые и последние буквы дали фамилию двух виднейших русских писателей.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ в № 14

№ 60

Белым обозначены клетки, которые надо прорезать.

Перевертывая по условию задачи этот квадрат, читаем лозунг:

«Твердо мы плечо к плечу идем на смену Ильичу».

№ 61

Час—о—вой

№ 62

Факт
Йога
.. на
Морс
А на
Нога
Окно
Вилы
Фурманов

№ 63

	10 я (ь)	7 (ж)ало	
8 е	1 По в се (ь) о	4 стр	11 руд
3 нам и	12 а	9 з нам	6 зве-я-ло
	5 а некdc(я)	2 кеа	

«По всем океанам и странам развеяно алое знамя труда».

